

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

H. eccl.

3188

C

H. eel. 3188 [£]

2228

Н. есд. 31889

СЪ ЛЮДЬМИ
ДРЕВЛЯГО БЛАГОЧЕСТІЯ.

Д. СТЪБНИЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША.

1863.

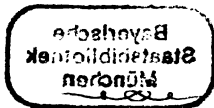
25 B

10000

Н. ессл. 3188^с

СЪ ЛЮДЬМИ
ДРЕВЛЯГО БЛАГОЧЕСТІЯ.

И. СТѢВНИЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ, 20 декабря 1863 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Левков, Миклашъ Семановичъ

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША.

21/44029

СЪ ЛЮДЬМИ ДРЕВЛЯГО БЛАГОЧЕСТІЯ.

(Изъ журнала „Библиотеки для Чтенія“).

Много лѣтъ къ ряду всѣ русскіе писатели, занимавшіеся исторіею раскола и сочиненіями по части его обличенія, были согласны между собою въ томъ, что расколъ есть религіозное заблужденіе, и ничего болѣе. Только очень немногіе изъ нихъ видѣли въ расколѣ, кромѣ оппозиціи икононовскимъ церковнымъ нововведеніямъ, оппозицію и административнымъ реформамъ, начавшимся въ Россіи со времени перваго императора. Писателей, разсматривавшихъ расколъ такимъ образомъ, нельзя упрекнуть въ особенной снисходительности къ заблужденіямъ, которыя они обличали. Всѣ они относились къ расколу болѣе или менѣе сурово и поддерживали довольно всеобщее у насъ убѣжденіе о необходимости искорененія раскола, какъ въ интересахъ господствующей церкви, такъ даже и въ интересахъ государства. Но послѣднее положеніе въ печати обыкновенно доказывалось гораздо небрежнѣе и слабѣе, чѣмъ первое. За то оно прилежно доказывалось и подкрѣплялось разными доводами у авторовъ, сочиненія которыхъ по этой части мирно покоятся въ рукописяхъ на полкахъ многочисленныхъ русскихъ архивовъ. Это и совершенно понятно, если припомнимъ себѣ *кто* были авторы тѣхъ и другихъ сочиненій и какіе интересы они преслѣдовали, преслѣдуя «двухвѣковое озлобленіе части народа противъ духовенства и административныхъ реформъ». У каждаго барона была своя фантазія.

Съ относительнымъ облегченіемъ условій русской прессы, въ

русской литературѣ стали проводиться совершенно инныя возрѣнія на причины появленія раскола и на его современное значеніе. Это перемѣна въ возрѣніяхъ происходила одновременно съ неудержимымъ величаніемъ русской народности, сохраннымъ только въ средѣ сельскаго населенія, не зараженного тлетворнымъ дыханіемъ западной цивилизаціи. Въ то же время нѣкоторые писатели, не подчиненные внутреннимъ цензурнымъ условіямъ, старались возвести расколъ на степень политической партіи, готовой поставить твердую оппозицію самодержавному правительству въ Россіи. Старые авторы сочиненій, напечатанныхъ о расколѣ до этого поворота, пріумолкли и или вовсе не печатали сочиненій въ прежнемъ духѣ, или только изрѣдка откликались мелкими замѣтками въ томъ или другомъ духовномъ периодическомъ изданіи. Труды авторовъ, сочиненія которыхъ до сихъ поръ не выходятъ никуда за двери архивовъ во все продолженіе этого времени, намъ очень мало извѣстны; но въ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ мы что-нибудь знаемъ, сталъ тоже замѣчаться нѣкоторый поворотъ къ «современному штылю», какъ выражается одинъ ученый членъ російской ученой академіи. Новые же писатели, мнѣнія которыхъ были доступны всѣмъ потребителямъ русской періодической прессы, стали толковать расколъ по иному. Они не только смѣялись надъ узостью горизонта людей, извѣстившихъ расколъ однимъ религіознымъ упрямствомъ, но выяснили въ расколѣ весьма сплывныя политическія тенденціи и, на сколько имъ позволяли обстоятельства, убѣждали общество искать у раскола довѣрія и дорожить имъ, какъ безцѣннымъ оружіемъ, выкованнымъ съ такою крѣпостью, что ему ничто противустоятъ не можетъ. Изъ старыхъ писателей о расколѣ послѣднему мнѣнію сталъ противорѣчить П. И. Мельниковъ въ своихъ «письмахъ о расколѣ». Мнѣнія г. Мельникова нѣкоторыми органами русской журналистики было названо отсталымъ, пристрастнымъ и даже еще хуже. Доказывалось что г. Мельниковъ вовсе не знатокъ раскола, что все его знаніе держится на какой нибудь «Пращицѣ» и чиновничьихъ наблюденіяхъ. Обруганнымъ мнѣніемъ г. Мельникова противопоставлялись мнѣнія г. Щапова, видѣвшаго въ расколѣ совсѣмъ не то, что видѣлъ г. Мельниковъ. Poleмика возникшая по этому поводу, выдвинула на позорищѣ нѣсколько странныхъ и не совсѣмъ понятныхъ на-

мекоть, которые были направлены болѣе противъ личности автора «писемъ о расколѣ», чѣмъ противъ достовѣрности его выводовъ.—Между тѣмъ какъ русскіе сатирики и публицисты трудились надъ этимъ дѣломъ, въ рѣшеніе спора о политическомъ значеніи раскола выѣшались Литва и Польша. Въ ряду многихъ вопросовъ, вовсе невзначай рѣшенныхъ польскимъ вопросомъ, вопросъ о политическомъ характерѣ раскола рѣшенъ едва ли не самымъ положительнымъ и безапелляціоннымъ образомъ.

Во всемъ, что я буду писать далѣе, нѣтъ никакого основанія видѣть во мнѣ исключительнаго сторонника того или другаго изъ двухъ послѣднихъ возрѣній на расколъ, рѣшонныхъ для насъ польскимъ возстаніемъ. Такое положеніе совершенно противно моей натурѣ, не отвѣчаетъ современнымъ обстоятельствамъ и вовсе неудобно для моей цѣли.

Я полагаю, я даже увѣренъ, что придетъ и скоро придетъ время, когда можно будетъ доказать и г. Мельникову, и г. Щапову, что каждый изъ нихъ *частію* правъ, но что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не сказалъ абсолютной истины, и что между двумя ихъ крайними мнѣніями есть еще одно среднее, можетъ быть самое близкое къ этой истинѣ. Теперь же пока еще это время не настало, а предупреждать времена иногда значитъ подставлять имъ ногу.

Не менѣе всего въ настоящемъ случаѣ меня освобождаетъ отъ всякихъ полемическихъ поползновеній самая программа, придерживаясь которой я вамѣренъ писать обѣщанныя вамъ письма о моемъ житѣ съ людьми древняго благочестія. Велѣдствіе особенно выгодныхъ условий, въ которыхъ я прожилъ минувшее лѣто въ самой лучшей и самой благоустроенной раскольничьей общинѣ, въ остзейскомъ краѣ, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ домашнею жизнью раскольниковъ, ихъ общиннымъ управленіемъ, общественнымъ хозяйствомъ и церковнымъ, монастырскимъ уставомъ. Я буду говорить обо всемъ этомъ немало не стѣсняясь, на сколько видѣнное и слышанное мною подходитъ къ соображеніямъ г. Мельникова и его литературныхъ друзей, поддерживавшихъ его въ шаловливо-вѣтренной «*Сверной Пчелѣ*», или къ выводамъ г. Щапова и его литературныхъ друзей, поддерживавшихъ его выводы въ серьезно-либеральной газетѣ «*Современное Слово*». Я даже имѣю въ виду совсѣмъ не тѣхъ

*

читателей, у которых доставало терпѣнія слѣдить за ходомъ литературнаго турнира слишкомъ нерѣшительныхъ мельнищистовъ съ слишкомъ рѣшительными шапистами. Очень можетъ статься, что мои читатели будутъ исключительно изъ разряда читателей самыхъ нетерпѣливыхъ, разряда, приводившаго нѣкогда въ ярость и отчаяніе московскій «органъ женскаго ума» своею несправною страстью «ко всему такому легонькому». Но я этимъ ни мало не намѣренъ оскорбляться и впередъ утѣшаю ихъ, что они не услышатъ отъ меня никакихъ темныхъ намековъ, мало доступныхъ людямъ, непосвященныхъ въ такъ называемыя направленія нашихъ литературныхъ кружковъ. Я полагаю, что мнѣ только придется можетъ быть перемолвиться нѣсколькими словами съ авторомъ «исторіи преображенскаго кладбища» по поводу его взгляда на раскольниковъ педагогію, да съ г. Аристовымъ на счетъ нѣкоторыхъ его выводовъ по предмету устройства раскольниковыхъ общинъ, о которомъ онъ писалъ въ вашемъ же журналѣ. И то я вовсе не вижу необходимости спорить ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ этихъ авторовъ, а только возьму нѣкоторыя изъ ихъ показаній и сопоставивъ ихъ съ нынѣ существующею дѣйствительностью постараюсь показать, что не всегда удобно судить о томъ, что нынѣ есть по тому, чѣмъ оно было двѣсти лѣтъ назадъ. Это я считаю себя обязаннымъ сдѣлать не въ видахъ опроверженія сказаннаго авторомъ «исторіи преображенскаго кладбища» и г. Аристовымъ, ибо я не сомнѣваюсь, что они вполне добросовѣстно обращались съ бывшими въ ихъ рукахъ матеріалами, и пришли къ своимъ заключеніямъ путемъ совершенно логическимъ, а только для того, чтобы съ своей стороны какъ можно добросовѣстнѣе поступить съ матеріалами, находящимися теперь въ моихъ рукахъ. Матеріалы эти дадутъ мнѣ средства показать публикѣ, что какъ ни драгоценны выводы писателей, трудившихся надъ изслѣдованіемъ духа и направленія раскола по документамъ, лежавшимъ до недавняго времени подъ густыми слоями архивной пыли, выводовъ этихъ часто невозможно прилагать къ опредѣленію современной жизни раскольниковыхъ общинъ. Авторъ «исторіи преображенскаго кладбища» и г. Аристовъ можетъ быть ни мало не погрѣшаютъ, воскрешая по старымъ документамъ жизнь общинъ, существующихъ по имени и до днешняго дня; но кто захочетъ судить по этимъ описаніямъ

о нынѣшней жизни раскольничьихъ общинъ, тотъ не можетъ не впасть въ великую погрѣшность. Свѣденій о жизни раскола, особенно о его современной жизни у насъ такъ мало, что въ этихъ погрѣшеніяхъ ни мало не будутъ виноваты названныя мною авторы, можетъ быть, весьма вѣрно воспроизведшіе эпоху, пережитую расколомъ, но тѣмъ не мѣнѣе, познакомясь съ современной жизнью и распорядками *единственной* раскольничьей общины, по истинѣ чудеснымъ образомъ сохранившей въ извѣстной степени старинную форму общиннаго устройства, я считаю себя обязаннымъ рассказать объ этихъ безпорядкахъ; нарочно останавливаясь на томъ, что въ нихъ противорѣчитъ выводамъ г. Аристова и автора *«исторіи преображенскаго кладбища»*. Люди, знакомые съ предметомъ, можетъ быть найдутъ въ моихъ письмахъ свѣденія, хотя мало-мальски способныя указать измѣненія, происшедшія въ нравахъ и обычаяхъ раскольничьихъ общинъ даже тамъ, гдѣ общинность не совсѣмъ утратила свое значеніе, а только измѣнила характеръ. Для людей, интересующихся этимъ вопросомъ, мои свѣденія могутъ быть тѣмъ интереснѣе, что они собраны въ общинѣ *самой самостоятельной* въ цѣлой имперіи и притомъ въ общинѣ, о которой, если не ошибаюсь, до сихъ поръ никто не писалъ, и въ которой, по показанію стариковъ, никогда никто изъ пишущей братіи не былъ. Увлечаться же какими бы то ни было пристрастіями, по предубѣжденію или личнымъ симпатіямъ, я вообще мало способенъ и къ тому же, хотя въ этой общинѣ дѣйствительно не бывалъ ни одинъ изъ людей, подвизающихся въ нашей литературѣ, но все-таки у меня есть контролеръ такой ядовитый, такой шафранно-жолчный, что если бы я былъ пристрастнѣе самаго пристрастнаго изъ сотрудниковъ русскихъ сатирическихъ издавій, то и тогда не рѣшился бы покривить моею душою и перомъ.

Это я говорю, думая въ настоящее время о людяхъ, слѣдящихъ за накопленіемъ матеріаловъ о расколѣ; для прочихъ же читателей я буду просто вести рассказъ о томъ, какъ живутъ люди древняго благочестія.

Имѣя въ виду читателей этого сорта, я прошу у нихъ терпѣнія только на пять минутъ, нужныхъ для того, чтобы пробѣжать полсотни строкъ, которыя по моимъ соображеніямъ со-

вершено необходимо написать прежде начала описанія моего сожительства съ людьми древняго благочестія.

Повятіе публики о расколѣ гораздо темнѣе заповѣднаго мачтоваго лѣса пензенской губерніи, изъ котораго мой дядя нѣкогда покупалъ дрова по одному рублю серебромъ за кубическую сажень. Во время прежняго единомыслія о значеніи и характерѣ раскола просвѣщенная русская публика считала расколъ невѣжественнымъ заблужденіемъ ученыхъ фанатиковъ и ничѣмъ болѣе.

Въ дни споровъ, происходившихъ въ русской литературѣ о томъ, кто вѣрнѣе понимаетъ расколъ: г. Мельниковъ съ товарищами или г. Щаповъ съ своими товарищами, часть публики, наиболѣе скептическая, недоумѣвала, чтобы это за притчи такія ей стали рассказывать, а другая часть болѣе легковѣрная и желавшая видѣть въ раскольничьемъ фанатизмѣ только ширмы, за которыми сидитъ скованная могучая идея, ожидающая случая разорвать свои двухвѣковыя цѣпи, — эта часть публики стала считать расколъ *силой*. Послѣ же того какъ бѣлоквиницкій раскольничій митрополитъ Кириллъ, а вслѣдъ за нимъ польскіе косьонеры помогли русскимъ литераторамъ разрѣшить долго путавшій ихъ вопросъ о томъ, что такое расколъ и что сдѣлаютъ въ данномъ положеніи государства раскольники?—Скептики сказали: «снудотъ! все это былъ вздоръ, такъ и должно было ожидать», а легковѣрные ничего не сказали. Сила оказалась на сторонѣ силы.

Таково преимущественно мнѣніе публики о значеніи раскола и его характерѣ. О подраздѣленіяхъ же того, что называется общимъ именемъ *раскола*, не смотря на все, до сихъ поръ написанное о расколѣ, публика, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, ничего не знаетъ и долго еще знать не будетъ, потому что ей заниматься такими вещами скучно, потому что она публика милая, веселая и образованная и хочетъ читать только извѣстныя хорошія книжки или еще охотнѣе хочетъ ничего не читать. Нѣкогда ей, занята она по горло словоизверженіемъ и ничего-недѣлавіемъ.

Если бы въ нѣкоторомъ кружкѣ ни разнесся неблагопріятный слухъ, что Д. Е. Кожанчиковъ, послѣ изданія исторіи греческаго возстанія, написанной съ неотразимою прелестью московскимъ ученымъ Θεоктистовымъ, не далъ торжественнаго заклятія не издавать болѣе безъ разбора историческихъ сочиненій нашихъ

историковъ: то я бы непременно дерзнулъ написать исторію раскола. Но какъ слухъ, разнесшійся на счетъ рѣзкой перемѣны въ нравѣ г. Кожанчикова послѣ изданія вышеупомянутой исторической монографіи, убиваетъ во мнѣ всякую предпринимчивость, то я отлагаю мое намѣреніе до тѣхъ поръ, пока г. Феоктистовъ упадетъ на другаго издателя столь же не разборчиваго, какъ г. Кожанчиковъ и такимъ образомъ покажетъ новое мѣсто, черезъ которое можно валить всякій соръ въ русскую публику. До этого же блаженнаго, но весьма сомнительнаго времени мнѣ предстоитъ подвигъ особенно грудной. Я долженъ рассказать главнѣйшія подраздѣленія раскола тѣмъ изъ моихъ читателей, которые этого не знаютъ, въ столь сжатой формѣ, чтобы не измучить этимъ читателей, у которыхъ есть готовые понятія при одномъ словѣ: поморство, еодосеевщина, филиповщина, дяконовщина, странники, духовные христіане, Аристово согласіе, иконоборцы и т. п.

При совершенномъ непониманіи нашимъ обществомъ сущности русскаго религіознаго разномыслія, у насъ существуютъ два главныхъ представленія о расколѣ. Для однихъ все, что при русскомъ происхожденіи не признаетъ авторитета господствующей церкви, есть *расколъ* и расколъ совершенно однокачественный. Другіе же увѣрены, что видовъ русскаго раскола неисчислимое множество и самые умѣренныя изъ людей, держащихся этого мнѣнія, полагаютъ, что расколъ имѣетъ по крайней мѣрѣ до сто одиннадцати сектъ.

Ближайшее изученіе раскола показываетъ, что оба эти мнѣнія совершенно неосновательны. Кромѣ того, изученіе характера русскаго религіознаго разномыслія показываетъ также, что люди, держащіеся въ отношеніи раскола двухъ вышеприведенныхъ мнѣній, считаютъ въ числѣ раскольниковъ, впавшихъ въ разномысліе съ господствующею церковью, сектаторовъ, вовсе не принимающихъ никейскаго символа вѣры и потому самую церковь называемыхъ не раскольниками, а *еретиками*.

Расколъ великъ и подраздѣленій его дѣйствительно не мало. Начало религіознаго разномыслія въ Россіи восходитъ до временъ великаго князя Владиміра. Лѣтъ черезъ шестнадцать послѣ крещенія Руси въ Кіевѣ, уже была извѣстна секта христовщины (нынче хлысты.) Въ густынской лѣтописи есть свидѣтельство, что въ 1507 году секта эта распространилась уже по Польшѣ

и Силезіи. При Иванѣ Васильевичѣ III, Дмитріѣ Донскомѣ и царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ уже было извѣстно нѣсколько сектъ. Церковныя реформы Николая и правительственныя реформы Петра дали новую пищу религиознымъ и политическимъ разномыслиямъ русскаго народа, вызвали расколъ къ твердой оппозиціи нововведеніямъ и дали ему средства быстро распространяться, опираясь на консервативныя стремленія народа. Съ этихъ поръ начинается борьба правительства и церкви съ расколомъ и съ этихъ же поръ начинается изученіе раскола, до такой степени неудачное, что до сихъ поръ мы не имѣемъ вѣрной, полной, но не сочиненной классификаціи раскола.

До XVIII столѣтія вовсе не раздѣляли раскольниковъ на разряды; только и согласія, и всѣхъ русскихъ людей, разномыслящихъ съ господствующею церковью, называли общимъ именемъ раскольниковъ. Первое распредѣленіе раскольниковъ по сектамъ появилось въ первый разъ въ «розыскѣ» св. Дмитрія-ростовскаго. Но видно, что подраздѣленія эти были очень неясны для самого святителя, который, впрочемъ, писалъ по свѣденіямъ строителя спасораевской пустыни Юасафа, ярославца Петра Ермилова, старца борисоглѣбскаго монастыря Андроника и Пахомія съ Керженца. По двумъ спискамъ, составленнымъ съ чужихъ словъ, у него значатся: 1) христовщина, 2) иконоборщина, 3) поповщина, 4) безпоповщина, 5) чувственники, 6) кривотолки, 7) азуфривщина, 8) аввакумовщина, 9) ефросиніевщина, 10) іосифовщина, 11) калиновщина, 12) кипріяновщина, 13) вларіоновщина, 14) серрапіоновщина (или морельщики) 15) козьминщина, 16) волосатовщина (или сожигатели), 17) исаковщина, 18) стефановщина, 19) сожигатели, 20) морельщики, 21) *ведосъевщина*, 22) ефремовщина, 23) іаковщина, 24) субботники, 25) подрешетники (или капитоны), 26) андреевщина, 27) рогожники (или рубишники,) 28) павлиновщина и 29) андреяновщина.

Димитрій-ростовскій, изчисливъ эти 29 различныхъ согласій раскола, сознавалъ, что здѣсь еще не весь расколъ. «Дѣла раскольническая злая явѣ, творимая въ противность церкви святой, якоже о тѣхъ доносится намъ, *суть неисчетна*, о нихъ же подробну писати и глаголати невозможно, *развѣ знатнѣйшія здѣ предложимъ*», говоритъ онъ въ своемъ знаменитомъ «Розыскѣ», по поводу котораго г. Мельниковъ бросаетъ на дѣятельность Дмитрія совѣтъ

не тотъ свѣтъ, въ которомъ эту дѣятельность представляютъ нѣкоторые другіе писатели. Митрополитъ же Игнатій просто говоритъ, что «и начаша мнози ереси быти и кійжда быше отъ нихъ своя нововымышленныя ереси начальникъ».

Но и ростовскій митрополитъ, первый писавшій о подраздѣленіяхъ раскола, уже впалъ въ ошибки, считая напримѣръ серапіоновщину и волосатовщину особыми сектами отъ морельщиковъ и сожигателей, и потомъ вовсе не далъ никакихъ понятій о *духѣ* этихъ сектъ. Позже вышли наружу нѣтовщина, перекрещеванцы, дяконовщина, никитовщина, капитоновщина, богумилы, титловщина, филиповщина, растриговщина, самокрещенцы, гробополагатели, кадильники, дѣтоубиватели, самостригальницы, пасховѣрцы, мессоіане и др. Даже и до сихъ поръ едва ли кто нибудь имѣетъ право сказать, что ему извѣстны всѣ виды религіознаго разномыслія русскаго народа. Я знаю, что ни г. Мельниковъ, ни г. Аристовъ, или г. Щаповъ не берутъ на себя такой смѣлости, а довольно недавняя исторія съ софлковскимъ согласіемъ странниковъ убѣждаетъ, что и само правительство, при всей громадности своихъ средствъ, очень поздно узнаетъ о появленіи новыхъ, самыхъ странныхъ и характерныхъ сектъ. Еще болѣе въ этомъ легко убѣдиться «обходя страны», ибо при скитальчествахъ, по между живымъ расколомъ случается набредать на явленія новыя, нигдѣ ни кѣмъ незаписанныя и несомнѣнно составляющія расколъ въ самомъ расколѣ. Прежіе изслѣдователи раскола, зная названія сектъ, вовсе не знали ихъ *духа*, пугали ихъ и путались въ нихъ сами. Въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія, охтенскій протоіерей Андрей Ивановъ Журавлевъ (бывшій раскольникъ), по желанію кн. Потемкина-таврическаго, составилъ первую, сколько-нибудь толковую классификацію раскола, распредѣливъ всѣ извѣстные толки на *поповщину* и *безпоповщину*. Потомъ, держась журавлевскаго метода, расколъ былъ нѣсколько разъ классифицированъ и свѣтскими, и духовными властями, и независимыми писателями, но еще въ 1862 году П. И. Мельниковъ, обсуждая достоинства сдѣланныхъ въ разное время подраздѣленій раскола, нашелъ всѣ ихъ весьма неудовлетворительными и ясно указалъ ихъ недостатки и промахи.

Мнѣ кажется, что для людей, не поставляющихъ себѣ задачей близкое изученіе раскола, для нѣкотораго понятія о немъ можно принять мельниковское дѣленіе на *расколъ поповщинскій* (*под-*

церковники), раскол *безпоповщинскій* и ереси, неимѣющія ничего общаго съ господствующею церковью. *Расколъ поповщинскій* и *безпоповщинскій* принимаетъ никейскій символъ и признаетъ всѣ семь таинствъ необходимыми для полной «жизни по вѣрѣ», но какъ *поповщина* тѣмъ или другимъ путемъ принимаетъ себѣ тѣхъ или другихъ поповъ и содержитъ священство, то всѣ семь таинствъ совершаются только у нее. Это и есть *подцерковники*, весьма близко подходящія къ церкви и для признанія ихъ не расколомъ нужно только признать ихъ поповъ попами, а церкви церквами. *Безпоповцы* (множество подраздѣленій), считая преемственную благодать рукоположенія изчезнувшею, и хотя по принципу признаютъ необходимость духовенства и всѣхъ семи таинствъ, но не принимаютъ священства именно потому, что благодать рукоположенія исчезла и нѣтъ преемственности; стало-быть негдѣ достать священства, а потому нельзя совершать и таинствъ; и наконецъ *еретики*, не только вовсе не признающіе необходимости священства и никакихъ таинствъ, но и не исповѣдующіе никейскаго символа 325 года. Къ послѣднему разряду относятся и древнѣйшая христовщина или хлыстовщина, молоканы, или духовные христіане и духоборцы и многіе другіе, признаваемые правительствомъ за секты «особенно вредныя».

Отношеніе еретиковъ и раскольниковъ къ православію по моему также весьма правильно очерчено Мельниковымъ въ его пятомъ письмѣ (стр. 94). Онъ говоритъ: «раскольники смотрятъ на господствующую церковь съ горькимъ, враждебнымъ чувствомъ, какъ на измѣнницу своимъ древнимъ правиламъ и уставамъ, какъ на разорвавшую свои связи общенія. Между тѣмъ *еретики* видятъ въ ученіи господствующей церкви совершенно чуждое для нихъ ученіе, столь же чуждое, какъ католичество или протестанство. Нѣкоторые же изъ нихъ идутъ далѣе и смотрятъ на православную церковь совершенно одинаково, какъ на іудейство, магометанство и идолопоклонничество».

Правительство въ своихъ возрѣніяхъ на расколъ дѣлитъ его также. Я не хочу говорить о прошедшемъ, хотя бы и очень недавно прошедшемъ времени, въ которомъ правительство очень ошибалось въ своихъ отношеніяхъ къ расколу, по степенямъ его мнимои вредности или безвредности; но въ наши дни оно относится къ *поповцамъ* гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ *безпоповцамъ*, а

къ *безпоповцамъ* снисходительнѣе, чѣмъ къ *еретикамъ*, хотя теперь и противъ послѣднихъ уже не въ ходу прежнія суровыя мѣры.

Въ отношеніи *безпоповцевъ* (людей, которыми я буду исключительно заниматься въ моихъ письмахъ) наблюдается два подраздѣленія. Большею благосклонностью пользуются безпоповцы, приѣмлющіе браки и молящіеся за власть (поморское согласіе), и гораздо меньшею безпоповцы, неприѣмлющіе браковъ, какъ таинства и снѣ молящіеся за правительство и государя (напримѣръ вся, чрезвычайно распространенная секта, еодосеевщины). Г. Мельниковъ замѣчаетъ, что безпоповцы, приѣмлющіе браки, но не молящіеся за власть и молящіеся за власть, но не приѣмлющіе браковъ, при этомъ раздѣленіи совершенно забыты. Это совершенно справедливо. На эти подраздѣленія не только правительство не обратило никакого вниманія, но и многіе писатели о расколѣ ихъ словно не знаютъ, тогда какъ эти уклоненія отъ принциповъ двухъ главныхъ безпоповщинскихъ согласій встрѣчаются довольно нерѣдко.

Говорятъ, что Н. Я. Аристовъ трудится надъ составленіемъ полнаго, систематическаго описанія русскаго религіознаго разномыслія до мельчайшихъ изъ извѣстныхъ его подраздѣленій и снабдить свое сочиненіе наглядною схемою, способною облегчить изученіе этой классификаціи. Если это правда и если у г. Аристова достанетъ средствъ совершить задуманный или уже предпринятый имъ трудъ, то онъ сдѣлаетъ огромную заслугу, отъ которой неизвѣстно почему-то уклонился г. Мельниковъ. Указавъ въ пятомъ письмѣ о «расколѣ» погрѣшности, вкравшіяся у всѣхъ дѣлавшихъ до сихъ поръ опыты классифицированія раскола, онъ сказалъ, что кромѣ видовъ религіознаго разномыслія, исчисленныхъ у того-то и у того-то, есть еще такіе-то и такіе-то, *и другіе*, но самъ не написалъ никакого систематическаго списка, котораго отъ него многіе ожидали, особенно съ третьяго письма. Почему г. Мельниковъ не подѣлился съ обществомъ своими свѣденіями, въ которыхъ у него, кажется, нѣтъ недостатка, до сихъ поръ неизвѣстно, хотя совершенно ясно, что никакія отъ него независяція обстоятельства ему поперегъ дороги не стояли, а самъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ весьма иронически относится къ статьѣ закона, гдѣ сказано: «и *другіе* вообще послѣдователи сектъ, признанныхъ особенно вредными.» — Слѣдовательно г. Мельниковъ

сознавалъ, что нельзя писать «и другіе», что это неудобно, что это сбиваетъ читателя, а самъ тоже окончилъ дѣло въ родѣ этого. Г. Аристовъ совершенно кстати и во время задумалъ заняться и систематизированіемъ русскаго религіознаго разномыслія, и вспомогательною схемою. — Такой трудъ рѣшительно необходимъ въ настоящее время, и если Н. Я. Аристовъ при исполненіи его упадетъ въ нѣкоторыя, небольшія, или даже и большія погрѣшности, то все-таки онъ дастъ сильный толчекъ дѣлу. Соберутся замѣчанія, указанія, поправки и вскорѣ станетъ наконецъ возможнымъ изданіе полное и дающее ясное понятіе о современномъ подраздѣленіи русскаго религіознаго разномыслія по тѣмъ свѣденіямъ, которыя имѣетъ весьма ограниченное число литераторовъ, занимающихся вопросомъ о расколѣ. — Хотѣлось бы видѣть этотъ трудъ оконченнымъ, какъ можно скорѣе. Онъ будетъ особенно дорогъ какъ въ интересахъ науки, такъ и въ интересахъ правительства, которое несомнѣнно сознаетъ нынѣ надобность имѣть вѣрное понятіе о томъ, что смутно понимается подъ общимъ словомъ «расколѣ». Безъ подобнаго вспомогательнаго пособия не только чиновники, люди положительно неизмѣющіе никакихъ, хотя мало-мальски къ чему-нибудь годныхъ, познаній о расколѣ, но и то ограниченное число литераторовъ, которые кое-чему повывучились, возясь въ послѣднее время съ раскольничьей литературой, будутъ весьма часто находиться въ очень затруднительномъ положеніи при всякой работѣ по вопросамъ, касающимся раскола, особенно при встрѣчахъ съ живымъ расколомъ. Я испыталъ это между прочимъ на себѣ въ послѣдній мой походъ къ людямъ древняго благочестія, о которомъ собственно теперь начинается мой рассказъ.

ПЕТЕРБУРГЪ И ПЕРВЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ ПРИ СТОЛКНОВЕНІИ ВЫУЧЕННАГО СЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЮ.

Представлялось нужнымъ опредѣлить состояніе раскольничьей педагогической въ наиболѣе самостоятельной общинѣ. Лично мнѣ желало бы ближе подойти къ современному раскольническому, общино-хозяйственному управленію, о которомъ обыкновенно толкуется все на основаніи давно былаго, а одна поморская община, получающая новую организацію, спала и видѣла устроится къ, такъ

живуть благоденствующіе еодосеевцы, издавна поселенные въ остзейскомъ краѣ и преимущественно въ городѣ Ригѣ.

Съ нынѣшней весны, то-есть со времени, въ которое во многихъ дезорганизованныхъ раскольничьихъ общинахъ стали опредѣленнѣе выражаться стремленія къ болѣе или менѣе правильному устройству, рижская еодосеевская община получила новый и огромный интересъ для русскаго раскола.

У русскихъ раскольниковъ, имѣющихъ въкоторое понятіе о рижской общинѣ безпоповцевъ, община эта представляется идеаломъ всесторонняго благоустройства и желанной свободы.

Изъ раскольниковъ ближе всѣхъ знакомы съ рижскою общиною московскіе еодосеевцы и безпоповцы поморскаго согласія, разсѣянные по сѣверозападному краю Россіи, Литвѣ и царству польскому.

Общее желаніе раскольниковъ устроиться во всѣхъ частяхъ своего общественнаго быта по рижскому образцу рождаетъ огромный интересъ къ ближайшему изученію этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Извѣстно, что начало систематическому воспитанію малолѣтнихъ раскольниковъ въ общественныхъ школахъ положено московскимъ купцемъ Ильею Васильевичемъ Ковылинымъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Изъ «исторіи преображенскаго кладбища въ Москвѣ» мы знаемъ, что въ одномъ изъ зданій этого кладбища было устроено Ковылинымъ училище, гдѣ мальчики съ бойкими способностями обучались чтенію и письму церковному подъ руководствомъ наставника Осипова. Потомъ очередные наставники толковали имъ катехизисъ. Образование оканчивалось изученіемъ главныхъ пунктовъ отличія еодосеевскаго ученія отъ ученія православной церкви.

Для учениковъ была открыта кладбищенская бібліотека, состоявшая изъ старопечатныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій, которою они пользовались подъ руководствомъ своихъ учителей.

Люди, имѣвшіе возможность близко ознакомиться съ старыми дѣлами преображенскаго кладбища, старались доказать, что «все образованіе кладбищенской школы было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ» (изъ исг. преобр. кладбища л. 44-й.)

Принимая во вниманіе общія тенденціи раскола и исключительную политику покойнаго Ковылина, нѣтъ основаній опровергать сдѣланный выводъ о направленіи преображенской кладбищенской школы въ самое цвѣтущее время ея существованія.

Познанія въ наукахъ и искусствахъ, выносимыя воспитанниками изъ этой школы, вообще были до крайности бѣдны. О наукахъ, способствующихъ развитію самостоятельнаго мышленія, въ ковылинской школѣ не было и поминна. Въ ней учили счисленію, но и то слегка, на столько, на сколько это необходимо по соображенію русскаго лавочника. Въ искусствахъ шли тоже очень немного дальше. «Нѣкоторые изъ членовъ кладбищенской школы приобрѣтали замѣчательное искусство писать по уставному и потомъ занималась переписываньемъ богослужбныхъ книгъ, которыя по дорогой цѣнѣ продавались въ конторѣ кладбища иногороднымъ еодосеевскимъ общинамъ и зажиточнымъ еодосеевцамъ. Другіе занимались иконописнымъ искусствомъ и дѣлали копіи съ древнихъ иконъ, иногда такъ удачно, что самыя знатоки съ трудомъ могутъ отличать копію отъ оригинала. Весьма искусно воспитанники умѣли поддѣлываться и подъ древнія рукописи, измѣняя при томъ и самыя цвѣты бумаги и соблюдая малѣйшіе остатки древности.»

Въ этомъ заключалось общественное образованіе въ большой ковылинской школѣ на преображенскомъ кладбищѣ и въ этомъ же оно заключалось во всѣхъ общинахъ еодосеевскаго согласія въ губерніяхъ: Ярославской, Тверской, Нижегородской, Рязской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани, словомъ во всѣхъ общинахъ, находившихся во время Ковылина въ зависимости отъ преображенскаго кладбища. Иначе это и не могло быть, потому что всѣ эти общины «получали отъ кладбища наставниковъ и покупали въ его конторѣ свои книги.»

Въ такомъ положеніи раскольниковъ педагогія дождала до послѣднихъ дней первой четверти текущаго столѣтія. Съ этого времени всякое проявленіе ихъ общественности начало преслѣдоваться съ трогостью, отъ которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II-й и Александра I-го. Энергическія мѣры, предпринимавшіяся противъ раскола въ царствованіе Павла Петровича, по кратковременности этого царствованія, не ступевали начатковъ раскольниковъ самоустройства въ екатерининское вре-

мя; но послѣ смерти императора Александра все это пригнулось, спряталось и къ нашимъ днямъ не осталось уже ни одной открытой раскольниковъ школы. Даже и общинно-хозяйственное самоуправленіе мѣстами вовсе исчезло, а мѣстами замаскировалось такъ ловко, что изученіе его представляетъ очень много трудности для каждаго человѣка, имѣющаго хоть какое-нибудь непосредственное сношеніе съ правительствомъ. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положенію въ остзейской краѣ и другимъ болѣе или менѣе благопріятнымъ обстоятельствамъ, сохранила до сихъ поръ свое отдѣльное хозяйственное самоуправленіе. Она имѣетъ благолѣпную каменную молельню, съ пятью «духовными отцами», хоромъ обученныхъ крюковому пѣнію пѣвчихъ, больницу, домомъ для призрѣнія дряхлыхъ и общественною подгороднею мызою Гризенбергъ. Но открыто существовавшую до 1829-го года школу и рижская община утратила. Съ этого времени и она обходится только съ секретными школами, устроенными въ частныхъ домахъ, и существующими подъ великимъ страхомъ и великою данью у мѣстной волиціи.

Держась своего предмета, я буду по возможности касаться всѣхъ частей устройства рижской общины, но прежде всего я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о духѣ самого раскола въ общинахъ рижской и псковской. Это совершенно идетъ къ моему предмету.

Тѣмъ самымъ, что раскольники Риги и Пскова со временъ Екатерины находились въ полной моральной зависимости отъ московскаго преображенскаго кладбища, обыкновенно опредѣляютъ духъ ихъ вѣроученія. Ихъ до сихъ поръ зчитаютъ еедосеянами или еедосіевцами, то-есть послѣдователями дьячка Крестецкаго яма, Θεодосія, отдѣлившагося отъ поморскаго согласія. Секта еедосеевцевъ въ исторіи русскаго раскола важна не менѣе секты поморской, слѣдующей ученію даровитыхъ братьевъ Денисовыхъ, распостранявшемуся по Россіи изъ Выгорѣцкой киновіи. Обѣ эти секты признаютъ благодать преемственнаго рукоположенія исчезнувшей, считаютъ господствующую церковь измѣнившою своимъ древнимъ, законнымъ правиламъ, отвергаютъ духовенство какъ санкцированное сословіе и слѣдовательно отвергаютъ возможность самой свкарістіи. Разница между *поморцами* и *еодосіянами* главнымъ образомъ заключается въ томъ, что *поморцы* до-

пускають бракъ, освящая его благословіемъ родителей и отца духовнаго, и молятся за царя; а еедосеевцы не допускають брака и не только не молятся за царя, но и молящихся за него «поморянъ», въ насмѣшку надъ ихъ трусостью передъ Самаринымъ, называютъ не «поморянами», а «самарянами», намекая такимъ образомъ на начало богомоленія за власть въ Выгорѣцкой обители «страха ради Самарина», чиновника, производившаго тамъ слѣдствіе. Бракъ у еедосеевцевъ отвергается прямо, какъ послѣдствіе отверженія священства; «вѣнчать не кому», говорятъ, «да и время не то: антихристъ невидимо царствуетъ и настали дни, въ которые не довлѣетъ ни жениться, ни посягать». А за царя не молятся потому, что «онъ не благовѣрный», то-есть не старой, не благой вѣры, «сынъ ереси», «эллинъ», и наконецъ просто такъ не молятся, потому-что не въ обычаѣ за него молиться. Это «такъ» замѣчается и у чистыхъ вѣрнопопданнѣйшихъ поморцевъ, которые напримѣръ, молятся за царствующаго государя, какъ «за власть предержащую», но за умершаго молиться не хотятъ, даже страха ради самаринскаго. Это однаково относится ко всѣмъ умершимъ государямъ: Петру I-му, Павлу Петровичу, Николаю Павловичу и особенно уважаемымъ всѣми старообрядцами Екатеринѣ II-й съ Александромъ I-мъ, которыхъ хотя они тоже не позволяютъ себѣ назвать «благовѣрными», но всегда признають «благочестивыми».

Судя лишь по однимъ этимъ отличіямъ ученія поморскаго отъ ученія еедосеевскаго, можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ причины прежняго правительственнаго неблаговоленія къ еедосеевцамъ. Но основаній и смысла преслѣдованія скромнѣйшихъ и вѣрнопопданнѣйшихъ поморцевъ, обижаемыхъ властью и осмѣиваемыхъ за свое «самарянство» своими же братьями раскольниками другихъ согласій, понять невозможно. Это объясняется только развѣ огульнымъ взглядомъ на расколъ и его тенденціи, да отсутствіемъ въ администраціи людей, знакомыхъ съ духомъ раскола.

Однако обѣ главныя безпоповщинскія секты, поморцы и еедосеевцы, въ теченіи двухъ вѣковъ подвергались совершенно одинакимъ преслѣдованіямъ гражданской и духовной полиціи и даже можно сказать, что наивнымъ петербургскимъ поморцамъ часто доставалось гораздо больнѣе, чѣмъ еедосіанамъ, московскіе вожа-

ки которыхъ отлично знали топографію домовъ нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ лицъ прошедшаго времени.

Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы замѣтить несообразность огульнаго закрытія разомъ всѣхъ первоначальныхъ школъ въ общинахъ раскольниковъ разныхъ согласій. Сказавъ разъ, что я не имѣю основанія опровергать заключеній, сдѣланныхъ о духѣ преподаванія въ школъ Ковылина, гдѣ будто-бы двумъ стамъ мальчикамъ внушалось «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ», я позволю себѣ однако указать на раскольниковую генерацию, народившуюся тогда, когда уже не существовало зловредной ковылинской школы, да не было и вообще никакихъ раскольниковыхъ школъ. Генерациа эта выросла въ кругомъ невѣжествѣ и воспитала въ себѣ сугубое «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ». Тутъ дѣло совсѣмъ не въ школъ...

Поѣздкѣ моей въ Ригу, какъ уже сказано, предшествовало заявленное раскольниками поморскаго согласія желаніе усвоить себѣ порядки рижской общины и завести школы по образцу рижскихъ раскольниковыхъ школъ.

Зная изъ исторіи раскола нравственную связь рижскихъ раскольниковъ съ московскимъ преображенскимъ кладбищемъ, я никакъ не могъ понять, какъ возникло у поморцевъ сочувствіе къ общинѣ, приверженной едосеевщинѣ, и выѣхавъ изъ Петербурга, не поѣхалъ прямо въ Ригу, а остановился сначала въ Псковѣ.

ПСКОВЪ.

Здѣсь, благодаря содѣйствію одного стараго моего товарища, я сошелся съ купцомъ Х., человѣкомъ весьма здравомыслящимъ, очень богатымъ, большимъ ревнителемъ раскола и, кажется, несомнѣннымъ другомъ властей, à la Ковылинъ. Этотъ Меттернихъ «древляго благочестія» ни о комъ не говоритъ худо, ни о православному архіереѣ, ни о властяхъ, ни о *Колоколь* и его редакторѣ. У него всѣ хорошіе люди и все это выходитъ такъ ладно, что напримѣръ и власти, обруганные въ *Колоколь*, совсѣмъ правы, и *Колоколь* ни въ чемъ не виноватъ. Такъ и до всего. За то онъ у всѣхъ и въ чести, и въ милости, и въ силѣ, и даже въ славѣ: у раскольниковъ онъ столпъ, за который

всѣ стараются держаться и который сами всѣ подпираютъ. Отецъ его много пострадалъ за вѣру, и спокойно вынося всѣ гоненія, удержалъ своимъ примѣромъ другихъ, изнемогавшихъ подъ тягостью правительственнаго преслѣдованія. Сынъ идетъ дорогою своего отца.

Здѣсь мнѣ интересно было узнать, какой именно расколъ держится въ предѣлахъ псковскихъ и что за ученіе у рижанъ. Я, разумѣется, ждалъ встрѣтить еедосеевцевъ. Но при всѣхъ моихъ столкновеніяхъ и новыхъ знакомствахъ съ псковскими раскольниками рабочаго класса я не могъ добиться: какого они держатся толка? Прямо на этотъ вопросъ ни одинъ изъ людей, съ которыми я познакомился до встрѣчи съ X., не могъ дать мнѣ хотя мало-мальски положительнаго отвѣта. Сначала я считалъ это лукавствомъ, но потомъ убѣдился, что безграмотные раскольники, которыхъ не мало между псковичами, дѣйствительно ничего не знаютъ о своемъ вѣроученіи и ничего не могутъ сказать кромѣ того, что они «по древлему благочестію». Оставленный въ одной простой, весьма многочисленной раскольничьей семьѣ съ одними женщинами разныхъ возрастовъ, я изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что имѣю дѣло и не съ чистыми поморцами, и не съ еедосеевцами. Изъ всего мною слышаннаго отъ женщинъ выходило что-то страшное, новое и непонятное, не то еедосеевщина, не то поморство. Въ X. я уже встрѣтилъ человѣка способнаго и кажется желавшаго не только отвѣчать на всѣ вопросы, но даже и спорить, и совѣщаться. Благодаря ему, для меня стали ясны многія, прежде непонятныя стороны симпатій поморянъ учрежденіямъ рижской общины.

Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись съ московскими еедосеевцами и значительно сблизились съ поморствомъ. Сближеніе это у псковичей послѣдовало гораздо рѣзче чѣмъ у рижанъ, хотя и нѣкоторые рижане уже открыто называютъ себя «православными» или «старовѣрами еедосіевско-поморскаго согласія». Но въ толкованіи рижанъ есть еще весьма впрочемъ незначительные остатки еедосіевскихъ возрѣвій на бракъ, тогда какъ у псковичей взглядъ на бракъ выработался гораздо чище, чѣмъ у самихъ поморцевъ. Послѣднее обстоятельство зависѣло отъ быстрого распространенія здѣсь ученія приходящаго сюда изъ Пруссіи инока Павла, про-

тивъ котораго въ третьемъ году собирався въ Москвѣ, въ домѣ купца М. раскольникій соборъ. На этомъ соборѣ эмигрантъ Павелъ велъ жаркіе теологическіе споры съ раскольниками; принимающими священство и препирался о бракахъ съ еодосеевцами. По увѣренію однихъ онъ защищался слабо, по словамъ же другихъ блистательно указалъ чистоту своего ученія. Но какъ бы тамъ не было, секретный соборъ, такъ недавно собиравшійся на Павла, не только не уронилъ его значенія, но даже содѣйствовалъ быстрѣйшему его успѣху въ общинахъ многихъ поморянъ и еодосеевцевъ. Это и неудивительно, ибо новое Павлово ученіе, съ которымъ я буду имѣть случай подробно познакомить читателей, своею замѣчательною логичностью и чистотою не можетъ быть опровергаемо софизмами еодосеевщины и всегда найдетъ у непоповцевъ болѣе сочувствія, чѣмъ доводы поповцевъ, держащихъ «поповъ краденыхъ». Кромѣ того Павелъ спорилъ, обличалъ и доказывалъ, а на него орали, неустоивали, ругались и обрекали клятвамъ и отлученію отъ сонма. Люди убѣжденія остались на сторонѣ Павла и ученіе его идетъ, производя новый и весьма благодѣтельный расколъ въ расколѣ. Еодосеевцы, убѣждаясь ученіемъ Павла, во многихъ мѣстахъ согласились, что человѣкъ, открыто живущій съ женщиной и заботящійся о семьѣ, недостоинъ никакого ограниченія въ своихъ правахъ, и что напротивъ такое житье естественно и законно. Словомъ начали признавать брачную жизнь нравственною и слѣдовательно такимъ образомъ возвратились въ лоно того же чистаго поморства, отъ котораго ихъ оторвала распря дьячка Еодосія. Рижане же, до которыхъ не дошло павловское ученіе, остаются при прежней смѣшанности еодосеевскихъ и поморскихъ понятій о бракѣ. Они допускаютъ бракъ «по слабости человѣческой» и актъ обрученія у нихъ совершается въ моленной при участіи духовнаго отца, но женатый человѣкъ и замужняя женщина со дня своего брака теряютъ въ некоторые виды *полноправія*. Такъ они лишаются права молиться со всѣми вмѣстѣ; не могутъ стоять на клиросѣ и вообще какъ бы пребываютъ подъ вѣчною эпитиміею и не рѣдко подъ старость заявляютъ намѣреніе перейти «въ дѣвство», то-есть мужъ съ женою прекращаютъ всякія супружескія сношенія и даже иногда расходятся жить въ разные дома. Это единственный остатокъ въ рижанахъ еодосі-

евскаго духа, неразлучнымъ спутникомъ котораго идетъ и своя доля еодосеевскаго лицемѣрія. Такъ наприимѣръ *дѣвственникъ* избѣгаетъ собесѣдованія съ прежней подругою, но идя въ субботу въ баню, заходитъ къ ней «за вѣнникомъ» и остается вдвоемъ съ нею сколько ему угодно, занимаясь, чѣмъ угодно имъ обоимъ. Надъ этимъ смѣются вообще всѣ поморцы, и особенно поморцы, наученные Павломъ, поборникомъ чистѣйшаго, свободнаго брака и вообще чрезвычайно нравственнымъ проповѣдникомъ. Никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было тайнаго вреднаго ученія я не замѣтилъ во Псковѣ и зналъ хорошо какого сорта люди будутъ моими новыми знакомыми въ Ригѣ.

Затѣмъ стояло на очереди дѣло о школахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Псковѣ есть секретныя школы, но мнѣ ихъ не удалось видѣть, по причинѣ неожиданнаго отъѣзда Х. въ Петербургъ. Ктому же необходимость распросовъ о самомъ духѣ псковскаго и рижскаго раскола, можетъ быть, нѣсколько вредила мнѣ въ мнѣнїи самаго Х., хотя онъ, кажется, совершенно мнѣ вѣрилъ, водилъ въ свою домашнюю моленную, принималъ безцеремоннымъ гостемъ и подарилъ два томика сочиненій Павла, напечатанныхъ въ Пруссїи. — Эти двѣ книжки были для меня дорогимъ прїобрѣтенїемъ, давшимъ мнѣ возможность близко познакомиться съ замѣчательною личностью Павла и духомъ его ученія.

Открыто существующихъ школъ въ Псковѣ было двѣ: одна, весьма значительная, въ домѣ купца Пыляева, а другая неподалеку отъ бывшей на берегу рѣки Псковы моленной, обращенной впоследствии подѣ солдатскую музыкантскую школу, но оба эти училища около 20 лѣтъ назадъ по распоряженію правительства закрыты, или, какъ выражаются псковичи, «раззорены властью сильныхъ и безбожныхъ». О преподаванїи, бывшемъ въ этихъ школахъ, прямымъ путемъ узнать было ничего невозможно. Одни говорятъ, что «учили азбучкѣ, цифирю, арифметикѣ, часослову, да пѣть по полямъ (по солямъ), да и только. Два-три человѣка, съ которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего болѣе подробнаго мнѣ не сообщили. Оставалось одно средство: сходиться съ состарѣвшимися учениками уничтоженныхъ правительствомъ школъ и сходиться съ женщинами «мастерицами», то-есть учительницами. Въ этомъ мнѣ волюй посчастливилось. Но ни изъ

самаго близкаго и самаго безцеремоннаго знакомства съ бывшими учениками уничтоженныхъ школъ, ни изъ книгъ, по которымъ учились молодыя женщины теперешняго поколѣнія, я не видѣлъ, чтобы въ псковскихъ школахъ тоже «все образованіе было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ». «Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ» существуетъ у псковскихъ раскольниковъ въ той самой мѣрѣ, въ какой эти чувства питаютъ всѣ безпоповщинскіе старовѣры поморскаго согласія; но это отвращеніе въ молодыхъ сердцахъ воспитывается вовсе не въ школахъ, а въ самой жизни. Не смотря на то, что при обученіи дѣтей употребляются учебники, одобренные правительствомъ, въ нихъ нѣтъ ничего возбуждающаго непріязненныя чувства къ господствующей церкви. Это буквари секретной печати (издаваемые въ Польшѣ, Познани и въ какой-то казенной или синодской типографіи, — не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ), старые часословы и старопечатные псалтыри. Гдѣ именно печатаются буквари, такъ называемые «русскіе правильные», узнать невозможно. Въ одномъ мѣстѣ слышишь, что ихъ «солдатикъ дѣлаетъ» гдѣ-то далеко; въ другомъ, что ихъ печатаютъ въ казенной типографіи, а въ третьемъ, что это произведенія типографіи синодальной. Но вездѣ этихъ «правильныхъ русскихъ» букварей много и продаются они оптомъ по 8 к. за штуку, а въ отдѣльной продажѣ по 15 коп. за экземпляръ. Изъ пріобрѣтенныхъ мною трехъ различныхъ букварей (прусскаго, польскаго и русской секретной печати) нельзя не убѣдиться въ дѣвственной невинности этихъ изданій, преслѣдуемыхъ и отбираемыхъ полиціей всякій разъ, когда операція эта по мѣстнымъ соображеніямъ не противорѣчитъ живымъ интересамъ хранителей благочестія и порядка. Буквари секретной печати почти сходны во всемъ съ букварями, издаваемыми по распоряженію синода для обученія грамотѣ дѣтей старообрядцевъ, приписанныхъ къ единовѣрческимъ церквамъ. Даже нѣкоторые безпоповцы разныхъ толковъ учатъ дѣтей и по букварямъ единовѣрческимъ. Что же касается до псалтыри и часослововъ, то, разумѣется, они отличаются отъ употребляемыхъ въ господствующей церкви только нѣсколько большимъ несовершенствомъ перевода и тяжестью языка дониконовскаго времени. Никакихъ политическихъ выходовъ, никакого задора, порицанія и глумленія противъ учреж-

деній господствующей церкви тамъ нѣтъ, да и быть-то не можетъ.

«Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ» внушается раскольничьимъ дѣтямъ прежде всего дома матерями, да бабушками и частію отцами-родными и отцами-духовными (батьками). Потомъ смутно понимаемая ребенкомъ разница «древляго благочестія» отъ «новой вѣры» сознается ими яснѣе при видѣ стѣсненій, воздвигаемыхъ никоніанами противъ «древляго благочестія». Слышая частые семейные разговоры о необходимости извѣстныхъ мѣръ предосторожности противъ доносовъ по управѣ духовнаго благочинія, ребенокъ съ дѣтскою чуткостью проводитъ параллель между смиренно ходящимъ «батькою», внушающимъ, что не та вѣра, *которая мучитъ*, а та, *которую мучатъ*, и другимъ лицомъ, предлагающимъ на выборъ Сибирь или православіе. Конечнымъ результатомъ этого сопоставленія есть ненависть и презрѣніи къ духовенству господствующей церкви и теплое сочувствіе батькамъ. Затѣмъ сильное чувство безсильной ненависти воспитывается многочисленными сочиненіями по исторіи преслѣдованій, предпринятыхъ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ для подавленія невиннаго «фанатическаго заблужденія.» Этыхъ сочиненій и печатанныхъ, и писанныхъ полууставомъ (въ чѣмъ искусны не одни ученики ковьялинской школы) весьма много и они-то доканчиваютъ дѣло русско-христіанскаго разъединенія, предпринимаемое всегда во имя единаго пастыря. Школы здѣсь ровно ни при чемъ. Весь процессъ систематическаго озлобленія раскольничьяго юношества начинается для него до школы и оканчивается за нею. А чему учать въ школахъ, то снова повторяю, ни мало не способно «внушать отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ». Да и ни книгъ такихъ, по дороговизнѣ ихъ, въ школахъ нѣтъ и учителя, выбираемые изъ «простецовъ» и людей самыхъ плохенькихъ, слишкомъ ничтожны для того, чтобы заниматься такой пропагандой. Кромѣ букваря, часовника и псалтыря, началъ счисленія, крюковаго пѣнія и письма уставомъ ничему не учили въ уничтоженныхъ правительствомъ псковскихъ школахъ и ничему не учать у нынѣшнихъ «мастеровъ» и «мастерицъ». Псковскіе раскольники очень сильно мечтаютъ о разрѣшеніи имъ учредить для своихъ дѣтей отдѣльную школу, но у нихъ нѣтъ никакого опредѣленнаго представленія о томъ, какъ учредить эту

школу и чему въ ней обучать. При настойчивомъ домогательствѣ поставить псковскаго старообрядца въ необходимость дать болѣе или менѣе ясный отвѣтъ о его соображеніяхъ на счетъ школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдѣльная; что раскольники не могутъ позволить своимъ дѣтямъ мѣшаться съ «новобрами» и что нужно учить по старымъ книгамъ. А учить «по старымъ книгамъ», какъ я уже сказалъ, это значить учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень любятъ вздыхать и жаловаться на свое невѣжество, ставя это разумѣется въ прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но въ сущности и у самихъ ихъ не замѣчается ревности къ образованію своихъ дѣтей. — «Всему надо-бы, говорятъ поучить *понемножку*; много намъ не требуется по нашему словію, а по немножку бы слѣдовало». Живая русская сметка вслухъ подсказываетъ хранителю «древняго благочестія», что непроглядная тьма нелѣпаго буквоѣдства не выдержитъ животворящихъ лучей просвѣщенія и раскольникъ боится этого свѣта. Онъ желаетъ выбрать изъ массы научныхъ знаній для своего юношества исключительно лишь тѣ, которыя бы дали молодому раскольникѣму поколѣнію средства быть поспособнѣе къ ловкому обдѣлыванію дѣлъ съ людьми современнаго развитія, но самаго человѣческаго развитія раскольникъ боится болѣе страшнаго суда и даже болѣе потери полтинныхъ барышей на рубль, дающихъ средства покупать совѣсть того или другаго случайнаго человѣка. Можно утвердительно сказать, что если дѣло школъ предоставить самому «древнему благочестію» безъ педагогической инициативы министерства народнаго просвѣщенія, то въ этихъ школахъ будутъ учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да развѣ прибавятъ малую часть арифметики, такъ какъ это нужно по торговой части, и еще пожалуй поучать нѣмецкому языку потому, что онъ также нуженъ по торговой же части. Но ни географіи, ни исторіи, ни, боже спаси, физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ ни за что учить не вздумаютъ, такъ какъ все это, по ихъ мнѣнію, вредно. Да не говоря объ этихъ наукахъ, даже всѣ мои усилія доказать необходимость изученія ребенкомъ библейской исторіи прѣжде скучнаго часовника и вдохновенныхъ, но непонятныхъ ребенку поэтическихъ воздыханій Давида, обыкновенно оставались безуспѣшными. У нихъ есть несчастный, чисто-католиче-

скій взглядъ, что «рабу» вовсе не нужно знать евангелія и даже «не достоинъ чести его въ домѣ», а особенно человѣку, который еще «міршитъ», т. е. не бросилъ своей подруги; а ему слѣдуетъ только молиться и поэтому часовникъ съ псалтыремъ нужнѣ всего. Вотъ тутъ еще можно указать на одну рѣзкую черту, отличающую *раскольниковъ* отъ *еретиковъ*, черту, о которой ничего не сказалъ г. Мельниковъ. Въ то же время, какъ раскольникъ трепетно боится дать сыну широкое, здоровое образованіе, ясно сознавая, что при образованіи нельзя оставаться не еоодосеевцемъ, ни поморцомъ, ни филиповцомъ или тѣмъ паче королевцемъ, нѣкоторые еретики особенно принадлежатъ наукѣ, а *духовные христіане* (особенно субботствующие), отвергая сверхъестественное рожденіе Христа отъ дѣвы, отрицая необходимость всѣхъ таинствъ, а также признавая почитаній иконъ идолопоклонствомъ, утверждаютъ, что *крещеніе есть учене* и не только подобострастно чтутъ ученыхъ людей, но даже часто считаютъ ихъ *своими*. Субботствующие молокане нерѣдко говорятъ: «что, мы за еретики? Всѣ вы такіе же еретики. Толкъ-то въ насъ одинъ живетъ». Въ Псковѣ есть одинъ духовный отецъ («батъка»), живущій подъ секретомъ и служащій, какъ мнѣ кажется, въ небольшой, но прекрасной домовой молельнѣ, ибо общественная молельня тоже правительствомъ уничтожена, но я не могъ побесѣдовать съ этимъ отцомъ, потому что его не было въ городѣ. Въ средѣ же его паствы (не говоря о Х.) я встрѣтилъ невѣжество поражающее, становящее въ тупикъ и преисполняющее глубокаго сожалѣнія къ этимъ людямъ, бродящимъ съ непроницаемою повязкою на помутившихся отъ поклоннаго киванія глазахъ. Ни исторіи вѣтхаго завѣта, ни новозавѣтныхъ событій, ни исторіи собственнаго раскола и разницы его съ другими вѣтвями старовѣрчества почти никто не знаетъ. «Мы по старому», да и все тутъ. Вотъ образчикъ, до чего простирается здѣсь раскольникъ невѣжество: мнѣ удалось сойтись съ однимъ здѣшнимъ умникомъ, начетчикомъ, человѣкомъ лѣтъ 40 или 45. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что я имѣю дѣло съ узколобымъ фанатикомъ, зачитавшимся такъ называемыхъ въ древлемъ благочестіи «толстыхъ книгъ». Умникъ тотчасъ началъ вызывать меня на рѣшеніе теологическихъ вопросовъ, разумѣется, давно рѣшенныхъ имъ по его «толстымъ книгамъ», и срѣзалъ меня. Го-

ворили мы о Никовѣ, о сугубой аллилуйѣ; о имени иисусовомъ, — во всемъ я оказался свѣдущимъ.

— Ну да, говорить мой искушатель; а что какъ вы о мѣрскомъ имени христовомъ разумѣете?

Послѣ моихъ усилій разъяснить себѣ вопросъ оказалось, что у Христа есть еще какое-то *мѣрское* имя. Я говорю *Исусъ*.

— Ну это одно.

— Христось.

— И это такъ! а еще?

— «Еммануиль, еже есть сказано, съ нами Богъ», говорю я.

— Нѣтъ мѣрское-то, мѣрское, добывается мой умникъ.

Ничего я не могъ придумать и побѣжденный, сознавая свою несостоятельность, просилъ открыть мнѣ это *мѣрское* имя Иисуса Христа. Ну и оказалось, что, по свѣдѣніямъ моего экзаменатора, Христа звали еще «Яковомъ».

Отчего же это? Гдѣ на это указаніе? Дѣло очень просто. Въ тропарѣ поется «яко бо прославися» — изъ этого сдѣлано «Яковомъ прославился». — Впоследствии я слышалъ это сказаніе еще отъ двухъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ прядильщикъ изъ орловской губерніи. Къ довершенію прелести должно сказать, что со времени уничтоженія школъ въ средѣ псковскихъ раскольниковъ завелось много безграмотныхъ и если бы здѣсь не Павелъ съ своимъ апостоломъ Х., то псковская община, кажется, давно способна бы пожалуй выкинуть такую же штуку, какую по слухамъ отлили недавно тысячи пермскихъ поморцевъ, обращенныхъ одной бабой изъ поморства въ безбрачную еодосеевщину. Благодаря обстоятельствамъ, по милости которыхъ эмигрировавшій внукъ Павелъ можетъ навѣщать покинутое отечество произвело противное. Въ Псковѣ брачатся, молятся за царя и вообще все народъ такого свойства, что дай на нихъ посмотрѣть самому строгому инспектору, онъ неизмѣнно запишетъ имъ пять въ поведеніи, только боюсь, не было бы у нихъ воля въ уснѣхахъ.

О предметахъ преподаванія, какъ я уже сказалъ, мнѣ было нечего говорить, я сталъ заводить рѣчь объ учителяхъ. На этотъ предметъ у псковскихъ раскольниковъ взглядъ очень ясный и они здѣсь показали себя людьми довольно сговорчивыми. Прежде всего имъ, разумѣется, желательно имѣть въ *своей* начальной школѣ *своего* (то-есть раскольника же) и учителя. Но рядомъ система-

тически-приведенныхъ доказательствъ, что у нихъ нѣтъ или очень мало людей, способныхъ выдержать экзаменъ, хотя бы на званіе приходскаго учителя, а безъ экзамена учителя нельзя допустить, мнѣ удалось вызвать ихъ на раздумье. Конечно прежде всего вышло, что это не ихъ вина, что «это все власть надѣлала», но когда я, устраняя причины, ставилъ только фактъ, существованіе котораго измѣнить нельзя и съ которымъ уже надо что-нибудь подѣлать, то высказалось такое мнѣніе: «учителя можно првнять и православнаго, лишь бы по нашему выбору, а поща, чтобъ духу не было».

Такъ какъ это мнѣніе сильно поддерживаетъ Х., то я не сомнѣваюсь, что его будетъ держаться вся псковская и всѣ окрестныя общины съ тою же настойчивостью, съ-какою они при отцѣ своего патрона держались вѣры, которую въ то время мучили. О соединенныхъ же школахъ вмѣстѣ съ православными даже слышать не хотятъ и на отрѣзъ говорятъ, что «дѣтей не пустимъ.» По моему мнѣнію о такихъ школахъ нечего и думать. Это будетъ новая прибавочка въ длинномъ ряду печальныхъ полумѣръ, раздражающихъ народныя инстинкты и возбуждающихъ ропотъ и неудовольствіе въ людяхъ, преданныхъ правительству и ожидающихъ отъ него великія и богатыя милости.

Этимъ оканчиваются мои школьныя развѣдки въ Псковѣ, который я по счастливой догадкѣ сдѣлалъ предверіемъ моего вступленія въ вѣмецкій городъ русскаго царства.

Я не могу пускаться въ рассказъ объ особенностяхъ нрава и обычая псковскихъ безпоповщинскихъ старовѣровъ, потому что обстоятельства не позволяли мнѣ засиживаться въ Псковѣ. Я здѣсь только старался уяснить, что за религіозный духъ я встрѣчу въ Ригѣ, составлявшей для меня всю цѣль моего пилигримства.

Во время пребыванія въ Псковѣ я жилъ въ гостинницѣ, — даже забылъ теперь, какъ она называется. Знаю, что она приходится гдѣ-то на стрѣлкѣ двухъ улицъ и ходъ въ номера черезъ трактиръ. Прегадкая гостинница! лакеи обсчитываютъ не хуже берлинскихъ кельнеровъ, а клопы точно вишни владимірскія. Цѣлыя ночи я спалъ на окнѣ, на которомъ по цѣлымъ днямъ пилсалъ, отдыхая утомленными глазами на раскаленной мостовой, совершенно пустой въ теченіи всего дня, губернской улицѣ.

Организованной общины съ самостоятельнымъ общиннымъ

правленіемъ здѣсь нѣтъ. Вся сила въ Х. Остальное все на него смотритъ и около него ютится. Жалобъ на особыя стѣсненія не слышно; только головою очень многіе не хвалятся. Старообрядцамъ несомнѣнно хочется имѣть головою Х. — О церкви благовостенной рассказываютъ, что она всегда пуста и держать ея не для кого.

— Намъ только образовъ-то ужь очень жаль, что туда отдали, наши то образа, понимаете, — изъ моленной, изъ разоренной, говорятъ псковскіе безпоповцы. — Вѣдь окромя теперь какъ старосты Агафова Ивановича, да попа, никто имъ тамъ не молится. Церковь пустая, и радѣнія о ней нѣтъ; обваливается вся. Придетъ попъ позвонитъ, позвонитъ, да и пойдетъ. Что это за радѣніе? Да и пошь бы ушомъ, кабы не «подписавшіеся», что къ намъ вернулись. Имъ только и держится. Вотъ теперь по царской милости и въ Динабургъ, и въ Ригь «подписашіеся» по свободѣ вернулись, а у насъ нѣтъ. Все ждемъ разрѣшенія еще: ходателевъ настоящихъ еще нѣтъ у насъ. Рижцамъ что? Они сила. Что хотятъ, то обломаютъ. Феливанова, купчиха, пріѣхала, рассказывала какая тамъ жизнь-то. — Процвѣтаетъ тамъ вѣра! У насъ одинъ духовный отецъ и тотъ подъ сокрытіемъ, а ужь ему восемьдесятъ лѣтъ. Помретъ нынче, завтра. Пѣтъ не кому; а по селамъ и бабы попятъ. А въ Ригѣ то! Шестъ батекъ, хоръ въ сорокъ человекъ, все по цолямъ жарютъ. Такое пѣніе говорятъ, что даже изреци невозможно. Свобода! Никто къ тебѣ въ хату не лезетъ, хоть ты будь и подписной. А у насъ на Настасьевъ день-то что бываетъ? Ломкомъ образа въ домъ вносятъ. Еще губернаторъ насъ не даетъ, а то-бъ, что тутъ и дѣлать!

— Хорошо, стало, вамъ губернаторъ-то?

— Имъ только живы, — а то ломкомъ на Настасьинъ день такъ и прутся. Вотъ кабы онъ голову намъ изъ нашихъ походательствовалъ, а то что это за голова? Это бабы ноги!

— Ну другаго выберите.

— То-то изъ церковныхъ-то выбрать некого. Вотъ еслибы изъ нашихъ. Теперь прямо сказать, изъ нашихъ Василій Николаевичъ! Сами вы умный человекъ называетесь, можете нѣчто понять, стало быть, какой человекъ Василій Николаевичъ? Первое дѣло — умница, что ужь умница, и толковать про то нечего. Сами вы умный человекъ, нѣчто понять можете. Опять душевный, со-

всѣмъ душевный; для своего брата христіанина—помощникъ; «религіозный», богобойный мужъ, крѣпкій, и капиталъ опять себѣ настоящій имѣеть.

— Писали объ немъ, слышно, что-то за границей будто?

— Вы этому, сударь, не вѣрьте! Этому, милостивый государь, вѣрить никакъ невозможно, потому это все по злобѣ,—вѣрно докладываю, по злобѣ, что на него, что на губернатора на нашего, все это по злобѣ! Мы кто и писалъ-то знаемъ, ну да не тронь... мы это все соберемъ въ одно.

— Про садъ какой-то также будто писали?

— Да все вздоръ, какъ есть вздоръ. Ну погоди!.. Мы это все знаемъ, про писателя-то этого. Онъ у насъ узнаеть, какъ писать-то,—жимра этакая, еретикъ поганый. Брешеть, псу угождаясь печеными губищами-то. Ну да погоди, мы ему бирку-то эту смѣтимъ!

Вотъ единственный разговоръ объ общественныхъ дѣлахъ, на который мнѣ удалось вывести одного моего знакомаго, псковскаго безпоповца, весьма оригинальнаго, суетливаго человѣчка лѣтъ пятидесяти. Съ другими мнѣ не удавалось говорить о дѣлахъ этого рода, да и вообще я не гнался за здѣшними замѣтками, а только все списывалъ книги, да размышлялъ о Ригѣ, всевозможно заботясь, чтобы не дискредитоваться тамъ на первыхъ порахъ ошибочнымъ понятіемъ о духѣ рижскаго раскола.

Семейный бытъ псковскихъ безпоповцевъ, сколько я могъ замѣтить по самому кратковременному знакомству, весьма недостаточному для изученія какого бы то ни было бытоваго строя, на взглядъ ничѣмъ не отличается отъ рядоваго быта русскаго купечества и мѣщанства. Тоже гомерическое невѣжество, скопидомство, скряжничество, крайнѣйшая любостыжательность, суетвѣрный фанатизмъ и крѣпость въ отеческихъ преданіяхъ, развратъ и семейный деспотизмъ. Впрочемъ деспотизмъ, здѣсь, пожалуй, нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ православной семьѣ и я рѣшаюсь это приписывать влиянію еодосеевскаго духа, дающаго женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, признавая ея «посестріемъ», временною подругою; а не женою, ни крѣпостнымъ лицомъ, какимъ трактуеть ея русскій православный престолюдинъ. А можетъ быть въ этомъ играетъ нѣкоторую роль и то, что въ Псковѣ раскольниковъ гораздо грамотнѣе, чѣмъ ихъ сожители; а неграмотный про-

столюдинъ всегда съ нѣкоторою долею уваженія смотритъ на грамотнаго, особенно въ расколѣ, гдѣ чтеніе столстыхъ книгъ есть потребность, и этой семейной потребности во многихъ случаяхъ удовлетворяетъ только грамотный членъ семьи, то-есть женщина.

Аристократическій раскольникій домъ я здѣсь только одинъ видѣлъ и видѣлъ въ немъ то же самое, что обыкновенно встрѣчается въ домахъ губернскихъ раскольникіихъ магнатовъ: барскія претензіи и мѣщанское безвкусіе; отвратительную чистоту показныхъ покоевъ, убивающихъ видомъ своей неприкосновенности и нечисть глядящую изъ за дверей жилой закуты; герань съ бальзаминъ на окнѣ, двухъ канареекъ въ клѣткахъ, огромный образъ съ ланкомъ, лишеннымъ человѣческаго подобія и костяныя щоты съ ремешкомъ на рамкѣ. Видѣлъ и хорошенькую, новенькую фисгармоньку,

— Кто это у васъ играетъ? спрашиваю.

— Фи! ни боже мой! Никто не яграетъ.

— Отчего?

— Нѣтъ-съ. У насъ непринято. Это то-жъ, что пѣніе, что танцы, что музыка — нейдетъ это.

— Какой же вредъ видите вы въ этомъ?

Хозяинъ прельстившій меня здоровымъ взглядомъ на труды Павла, вышедшаго воевать съ фанатизмомъ и сухимъ, холоднымъ развратомъ, словно вдругъ преобразился передо мною.

— Вотъ видите, началъ онъ. Бѣды точно нѣтъ, а посудите, что-жъ такое музыка? Никакой нужды въ ней нѣтъ.

Матеріалистъ и утилитаристъ думаю себѣ и спрашиваю: «ну а танцы?»

— Фи! Ну помилуйте женчина съ мужчиной обоймутся, вертятся, грудь о грудь трутся!.. Фи! нѣтъ, что это.

Мадамъ Жанлисъ, думаю я и продолжаю спрашивать.

— Какъ же на это отецъ Павелъ смотритъ?

— Строго запрещаетъ?

— Не можетъ быть!

— Истинно вамъ говорю.

— И музыку?

— И музыку.

Удивило меня встрѣтить такую нелѣпость въ такомъ человѣкѣ, какимъ мнѣ показался Павелъ по его сочиненіямъ. Впослед-

ствѣ я узналъ, что бѣдный проповѣдникъ нерѣдко заставляетъ себя дѣлать многія уступки своимъ ученикамъ, любящимъ запреты, устанавливаемые въ интересахъ вѣры. Проученный Москвою, гдѣ его едва не выбросили за двери и отлучили отъ сонма; оскорбленный въ многихъ общинахъ польскаго края и особенно въ Вилькомирѣ, гдѣ ему не хотѣли дать крова и пріюта, онъ сталъ очень остороженъ и, опровергая своимъ ученикамъ ту или другую нелѣпость, кажется, всякій разъ шепчетъ: «много еще имамъ глаголати вамъ, но не можете нынѣ носить». Онъ очевидно потворствуетъ фанатизму, чтобы не потерять всякаго вліянія и не прослыть окончательнымъ еретикомъ, какъ случилось съ составителями послѣдняго примирительнаго московскаго соборнаго посланія. Приводя своихъ учениковъ къ нравственной жизни съ одной женщиной и къ столь же нравственной заботѣ о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ этого «союза любви», заставляя ихъ уважать заботы челоуѣка о семьѣ, а не отлучать за нихъ, и растолковывая имъ простой и прямой смыслъ многихъ писаній, о которыхъ мы тоже съ нимъ вмѣстѣ потолкуемъ съ читателями, онъ ужъ позволяетъ имъ дурачиться, зная, что вросшее годами, сразу изъ лба не выковырнешь.

— Зачѣмъ же у васъ инструментъ-то въ домѣ?

— Органъ-то этотъ-съ?

— Да.

— Такъ...

— Для мебели?

— И для мебели, да и опять по случаю онъ попался-то.

— Дешево купили?

— Нѣтъ-съ. Тутъ одна барынька была, да прожилась, такъ уѣзжала, а мнѣ такъ бездѣлицу должна была, — ну богъ съ тобой, думаю, что съ тобой дѣлать и этотъ самый органъ такъ и взялъ. Пусть, думаю; мухи полазятъ! хи, хи, хи!

«Остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ» небось сколько разъ въ день пробормочеть! Молитву-то господню еще потолковалъ бы Павелъ этому древлему благочестію, этимъ сугубымъ фарисеямъ, спорящимъ о крестѣ и незнающимъ, что съ креста сказано.

«О, роде лукавый! Доколѣ живу съ вами, доколѣ терплю вы?—что вы глаголете: «Господи! Господи! воли же моя не тво-

рите? — Не бояся въ свиней влѣзть, а озеро недалеко, не мельче Гедаринскаго.

РѢДКІЯ КНИГИ ПОТАВННОЙ СТАРОВѢРЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ПСКОВѢ.

Между книжнымъ хламомъ, состоящимъ изъ груды всякихъ букварей, цвѣтничковъ, псалтырей, часослововъ и проч., я нашель во Псковѣ три, достойныя замѣчанія, книжки потавной, или лучше сказать просто заграничной церковно-славянской печати. Это старая книга страстей христовыхъ, напечатанная въ 1793 году во Львовѣ и два тома сочиненій пнока Павла.

Первую изъ этихъ трехъ книгъ я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ у моего отца, который бралъ ее у своего пріятеля, покойнаго орловскаго купца, Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ вовсе не принадлежалъ ни къ одному изъ извѣстныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслія, но услаждалъ свою старость чтеніемъ этой любопытнѣйшей изъ апокрифическихъ книгъ и дорожилъ ею болѣе, чѣмъ остаткомъ дней своей закатывавшейся жизни. Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я моими дѣтскими руками переворачивалъ широкіе листы толстѣйшей синесѣрой бумаги, на которой напечатана эта книга, но и теперь я помню мельчайшія обстоятельства, при которыхъ я упивался за-прещенною книгою, отыскивая въ ней именно тѣ подробности христовыхъ истязаній, которыя мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало найти и которыхъ я не могъ допытаться ни отъ священной исторіи, лежавшей въ моемъ шкафикѣ, ни отъ тяжелой библии, которую съ благоговѣйнымъ трепетомъ снималъ со стола моего отца, ни отъ исключеннаго за буйственныя поступки изъ философскаго класса семинаріи учителя моего Іосифа Арсеньевича. Я не помню ни одной книги, которая бы по моимъ тогдашнимъ понятіямъ могла представлять интересъ мало-мальски ровный содержанію этой книжки, заставлявшей меня плакать по Христу и вскакивать ночью отъ образовъ страшнаго Іуды и чудовищной картины ада, съ бесѣдующими въ немъ людьми вѣтхаго завѣта. Объднѣвшій на старости лѣтъ, купецъ Андросовъ, обладавшій на законномъ основаніи этой книгой, представлялся мнѣ самымъ счастливымъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ я ни разу не встрѣчалъ другаго

экземпляра этой книги. Одинъ разъ, лѣтъ семь назадъ я видѣлъ рукописную тетрадь о страстяхъ христовыхъ у одного ионовца черниговской губерніи,—это были выдержки изъ львовской книги; другой разъ я видѣлъ списокъ этой книги у одной монахини ордена Базильянокъ, но этотъ списокъ былъ сдѣланъ по-польски. Весьма вѣроятно, что это могъ быть переводъ съ церковно-славянскаго языка, на которомъ напечатана львовская книга, но съ этого времени, въ которое я уже не смотрѣлъ на каждую книгу съ дѣтскимъ довѣріемъ, мнѣ всегда почему-то сдавалось, что въ изданіи львовскихъ страстей непремѣнно принимали нѣкоторое участіе католическіе патеры. Никогда я надъ этимъ серьезно не задумывался и нигдѣ не справлялся, но такъ ужъ мнѣ почему-то сдавалось. Встрѣтивъ второй экземпляръ этой книги въ Псковѣ и именно такой самый экземпляръ, который, двадцать лѣтъ тому назадъ, приносилъ моему отцу Иванъ Ивановичъ Андросовъ, я несказанно ей обрадовался и духомъ пролетѣлъ давно знакомыя страницы, облитыя деревяннымъ масломъ и воскомъ.

«Страсти Христовы», напечатанныя въ Львовѣ, никогда не читаются у людей древляго благочестія при богомоленіяхъ, но они составляютъ самое любимое и самое обыкновенное домашнее чтеніе. Легендарность, эффектность и подробность этой книги не можетъ не прельщать умовъ такого народа, каковы въ большинствѣ наши люди древляго благочестія. Ея съ величайшимъ любопытствомъ и съ самой снисходительной улыбкой къ наивнѣйшимъ вымысламъ прочтеть не только каждый вѣрующій, но даже и не вѣрующій во Христа человекъ. Въ ней интересно все: отъ распухающаго на необъятное пространство Іуды до импровизированныхъ сношеній Тиверія-Кесаря съ Пилатомъ.—Я рѣшился сдѣлать изъ этой любопытной книги большія выписки и выписалъ все, что можетъ дать понятіе о разнорѣчьи этой религіозной легенды съ историческою истинною извѣстныхъ событій.

Предлагаю читателямъ мои выписки изъ повѣсти о христовыхъ страданіяхъ просто какъ интересное чтеніе, а не какъ вещь подлежащую критическому разбору. Разбирать ее нечего.

ВЫПИСКА ИЗЪ КНИГИ „СТРАСТИ ХРИСТОВЫ“, НАПЕЧАТАННОЙ ВО
ЛЬВОВЪ ВЪ 1793 ГОДУ ¹⁾.

«... И абіе вскорѣ умершій Лазарь взъ гроба яко левъ изъ
вертепа изшедеъ, или яко орелъ изъ бездны возлѣтъ: тако и сей
Лазарь, другъ божіи, отъ гласа Іеусова излѣтъ изъ адовыхъ усть.»
(Глава 2, листъ 5-й на обор.)

«Лазарь же отбѣжавъ во островъ Кипрскіи, и тамо пребывая
послѣди отъ Апостолъ поставленъ быти архіереомъ Китейскаго
града. По оживленіи же своемъ Лазарь ничтоже ядѣше безъ
услажденія, но всякое ядѣніе съ медомъ ядѣше, отъ горести
адскія, даже до преставленія своего. Глаголетъ же ся яко омо-
форъ его, сама Пресвятая Госпожа Владычица наша Богородица,
и присно дѣва Марія мати Господня своимъ пречистымъ руками
сотворши и даде ему. Онъ же приимъ честно у Владычицы на-
шея Богородицы, и поклонися ей любезно, и цѣловавъ нозѣ
ея, и благодари Бога. Добрѣ же поживъ и богоугодно, еще три-
десять лѣтъ, и успѣ съ миромъ пакы, и поиде въ царство не-
бесное. Святое же тѣло его премудрымъ царь Левъ, вѣкиимъ явле-
ніемъ божественнымъ отгуду принесе въ Царьградъ, и въ пре-
честнѣмъ и святнѣмъ храмѣ созданимъ во имя его, положи чест-
но въ ракъ серебрянъ, идѣже и до нынѣ пребывая, веліе и не-
взреченное благоуханіе и ароматныя воня источаетъ, и исцѣ-
леніе подаваетъ всякимъ недугомъ съ вѣрою приходящимъ ко
гробу его святаго друга божіи Лазаря» ²⁾. (Гл. 2-я, листъ 6-й
на об. и 7-й.)

«И совѣщаша множество сребренниковъ дати тому, вже бы

¹⁾ Выписки изъ львовской книги я помѣщаю въ томъ порядкѣ, въ кото-
ромъ онѣ слѣдуютъ въ текстѣ «страстей», указывая при томъ листы и гла-
вы оригинала. Въ объясненіи же содержанія мѣстъ, находящихся между
этими выписками, никакой нужды не вижу, ибо повѣствованіе о страда-
ніи Христа извѣстно каждому и въ настоящемъ случаѣ весь интересъ за-
ключается только въ уснащеніяхъ этой повѣсти поэтическими представле-
ніями и вымыслами автора львовской книги (которые здѣсь и предлагаю-
тсѣ). Въ этихъ выпискахъ я также удерживаю орфографію подлинника, съ
котораго писалъ ихъ.

²⁾ Это сказаніе встрѣчается въ Четвѣхъ-Минеяхъ, употребляемыхъ въ
православной церкви.

объщался искупити Ісуса отъ сродниковъ его, и отъ ученикъ разлучити, и предати его Христа единого нощію.» (Гл. 4-я, л. 12-и на обор.)

«И ту діаволь между ими (апостолами) искаше такового апостола который бы радъ былъ имѣнію, и любилъ бы суетное богатство міра сего, и глѣнное собраніе. И того не обрѣтесе въ Петрѣ апостолѣ, сей бо остави жену и дѣти, и вся елико имѣяше, и послѣдова Христу. Такожде и Андрей *первозванный* (sic), сей бо прежде всѣхъ поиде за Христомъ, и ничимже пекенся, токмо еже исполнити волю христову. Такожде Іаковъ и Іоаннъ, и сіи бо оставиша отца своего въ корабли, творяще рыбную ловитву, и послѣдоваша стопамъ христовымъ, ничтоже своихъ имѣніи брегуще. И всѣхъ апостоловъ діаволь обыде по ряду, и видѣ ихъ всѣхъ, огражденныхъ постомъ и молитвою, и сего свѣта во уметы вся творящихъ, да токмо единого Христа себѣ приобрящутъ. Такожде и намъ подобаеъ, о братіе, внимати апостольскому ученію и житію ихъ подражати, и ограждати себе всегда постомъ и молитвою непрестанною: да приходящу къ намъ діаволу и видяшу насъ съ страсъ божіи и трепетѣ всегда пребывающихъ, повелѣ своихъ всѣяти въ сердца наша никакоже возможеъ.» (Гл. 4-я, л. 13 на об. и 14-й.)

«Хощу дамъ даси здѣ на блюдѣ главу Іоанна крестителя (говоритъ дочь Ирода на извѣстномъ пиршествѣ). И печаленъ бысть царь. Клятвы же ради, и за возлежащихъ съ нимъ не восхотѣ отрещися ея, но повелѣ дати ей. И абіе посла царь въ темницу спекулятора, и повелѣ принести главу св. Іоанна предтечи. Спекуляторъ же шедъ усѣкну его въ темницѣ, и принесе главу его на блюдѣ, и дастъ ю дѣвицѣ, дѣвица же отнесе ю матери своей. о злочестивыи и прескверныи и злосмрадныхъ и беззаконныи и блудныи Ироде, како не устрашился еси дати святое некрадомое сокровище, и непорочное свѣтило церковное, и благовѣстіе царства небеснаго, главу Іоанна крестителя; Иродіадѣ злосмраднѣи и нечестивѣи во мзду сквернаго плясанія; о Господи Владыко Царю небесныи, како стерпѣлъ еси таково беззаконіе, и не повелѣ земли пожрети всѣхъ играющихъ тамо; скончавъ же теченіе свое предтеча господень, и сниде во адъ, и познаша ѿ сущии во адѣ. Ту бо бѣше Авраамъ и Ісаакъ и Іаковъ, Ісаія и Давыдъ, и про-

чіи множество святыхъ пророкъ. И вопрошаху Іоанна ó Господѣ, глаголюще: идетъ ли убо свободити насъ отъ скорбей сихъ, или не скончаются пророчествія наша о Немъ. Иніи же глаголаху: еда како хочеть страсть пріяти насъ ради. Пророцы же крѣпляхуся глаголюще, еда како хочеть смерть пріяти; разумѣхомъ мы хотящее быти, и тако пророчествовахомъ міру всему. Рече же святыи Іоаннъ предтеча всѣмъ пророкомъ: пріидѣте вкупѣ вси вы и повѣдайте ми что пророчествовавсте. Да слышавше подвижнѣе будете. И отвѣща первыи пророкъ Давидъ, рече: азъ разумѣхъ, яко безъ оковы тихо сходитъ съ небесе, и рекохъ; свидѣтъ яко дождь на руно. Ісаія пророкъ рече: азъ разумѣхъ, яко отъ дѣвы родитися хочеть, и рекохъ; се дѣва во чревѣ пріиметь и родитъ сына и нарекутъ имя ему, Еммануиль. И другіи пророкъ отвѣщавъ рече; азъ разумѣхъ яко дванадесять ученикъ, вмѣсто дванадесате патріархъ хотяста ему служити, и рекохъ: во отецъ твоихъ мѣсто быша сынове твои. И другіи рече: азъ разумѣхъ яко хочеть чудеса творити, и рекохъ; разверзутся очи слѣпыхъ, и ушеса глухихъ услышатъ. Другіи же отвѣщавъ рече; азъ разумѣхъ яко ученикъ его хотяше предати, и рекохъ: ядыи хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя леств. И другіи рече: азъ разумѣхъ яко на тридесати сребренницѣхъ хотяше проданъ быти, и рекохъ: поставиша цѣну мою тридесать сребренникъ и Ісаія пророкъ рече; азъ разумѣхъ яко на судъ хочеть веденъ быти, и рекохъ самъ Господь на судище пріидеть со старцы людскими. И отвѣща Іеремія пророкъ, глагола; азъ разумѣхъ яко на дровѣ хотятъ его распяти, и рекохъ; пріидите вложимъ древо въ хлѣбъ его, и воземъ животъ его. И другіи отвѣщавъ рече; азъ разумѣхъ, яко во гробѣ хотятъ положить его, и рекохъ; положиша мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй. Се же пророкомъ глаголющимъ, и веселящимся о благовѣщеніи предтечевѣ во адѣ. Слышавъ же адъ ¹⁾ глаголы ихъ и рече ко діаволу; о комъ сїи глаголють высокомысленіи; кто ли радость твори имъ, не вѣдѣ; о комъ же ли благовѣствуетъ имъ токмо вижу въ нихъ радость велию. Отвѣщавъ же діаволъ ко аду, глагола ему; ни чтоже не ужасайся и небойся гласа ихъ, и небрезї ихъ ве-

¹⁾ Въ книгѣ страстей объ *адѣ* постояннo говорится, какъ объ индивидуумѣ. Онъ бесѣдуетъ и съ діаволомъ, и съ содержащимися въ немъ людьми.

селитися, себо имъ ныне пришедъ радость творятъ Іоаннъ креститель, есть бо великъ богогласникъ. Егда бѣ на земли, велико свидѣтельствоваше о чловѣцѣ томъ, и глагола всему міру, яко сей есть Христосъ хотя избавити вселенную. И азъ внидохъ во Иродіаду совѣтницу мою и снаслѣдницу, и тою прогвѣвахъ Ирода царя на обѣдѣ и повелѣ въ темницѣ Іоанну крестителю и про року мирови, главу усѣкнути, и дати отроковицѣ, дщери Иродіаднѣ, еюже Иродіада яко яблокомъ поигра на блюдѣ. Егоже глаголаше яко сей хотя избавити вселенную, но ни сего самого не избави. И отвѣща адъ ко діаволу глаголя: «люди откуда и чій есть сынъ; себо вельми радуются вси слышавше о немъ. Блюди испытно, еда хоцемъ одинаго приобрѣсти и всего міра лишени будемъ. Но еже не токмо не будетъ мѣ лишеніе, но и смѣху, и поруганію достойни будемъ. Сія слышавъ діаволь отъ ада страшливыя словеса, и иде ко Іудеомъ, и вооружи ихъ на Господа Бога и спаса нашего Ісуса Христа, сына Божія. И пребываше діаволь въ соборищи іудейскомъ, и неотходаше отъ нихъ, научая ихъ на распятіе Господне. Невѣдаше бо окаянный діаволь, яко Господня смерть всему міру будетъ воскресеніе. Абіе же сатана пойде ко Господу нашему Ісусу Христу сыну Божію, и искаше во апостолехъ како бы и котораго, обрѣсти молитвою не ограждена и постомъ, и обрѣте Іюду не храняща заповѣди Христовы. Тогда же посла Христосъ Іюду во Іерусалимъ купити ради свѣдѣнія, и видѣ его діаволь, постомъ и молитвою неограждена, но просто идуща путемъ, и напусти нанъ несытъство богатству, и сотвори его любителя сребру, и нача готовити его на преданіе Господа Бога и спаса нашего Ісуса Христа сына Божія.» (Гл. 5, листы 16—21.)

«И пріять помыслъ Іюда нанесенныи ему отъ діавола любити сребро, и возлюбилъ тлѣнное богатство, и взя на себя безстудство.» (Гл. 6-я, л. 22-я)

«Вѣдая же Ісусъ Христосъ сынъ божій божествомъ своимъ, яко уже страсти Его пресвятыя часъ приходитъ. И того ради не отходаше отъ пречистыя Матере своея пресвятыя Госпожи нашея владычицы Богородицы и присно дѣвы Маріи. Утѣшая ю спасительными своими словесы. Пречистая же мати Господня, позна въ словесѣхъ сына своего и Господа, яко уже приде часъ

страстей Его святыхъ. Понеже бо всегда чташе писаніе пророческое, и вѣдѣше яко подобаетъ пострадати Христу, и дати себе на смерть крестную, за избавленіе всего міра, и внити во славу свою. И вопросы Его глаголя: о, сыне и боже мой, повѣждь ми явѣ матери и служебницѣ своей, что яко вижу Тя зѣло смущена и лице Твое святое вельми измѣнено; слышахъ бо о Тебѣ, яко грядеши во Іерусалимъ къ беззаконнымъ жидомъ: а они тебе уже коль краты хотѣша убити. И слышахъ яко Ты хочещи тамо пасху ясти: понеже бо и послалъ еси двухъ апостоловъ своихъ уготовати тамо пасху. Господь же нашъ Ісусъ Христосъ сынъ божій рече къ матери своей: о возлюбленная мати моя Марія, не скорби о мнѣ. Имамъ бо преданъ быти въ рудѣ чловѣкъ грѣшникъ и поругаются мнѣ, и оплюють, и умертвятъ, на крестѣ распеньше: но въ третій день воскресну и твое имя возвеличу на земли паче всѣхъ родовъ чловѣческихъ. Госпожа же наша владычица пресвятая Богородица и присно дѣва Марія матерь Господня, въ той часъ отвѣде Ісуса сына своего въ тайное мѣсто, ни кимъ же видимо, и паде предъ нимъ ницѣ на землю, и нача Его умолати, дабы не шель во Іерусалимъ. Онъ же не даде матери своей до земли поклонитися, но удержа ю пречистыма своимъ руками, и рече ей: о преблагословенная мати моя Марія, почто покаяешися предъ сыномъ своимъ, тако кланяющися; повѣждь дерзоство, что требуеши отъ Мене. Она же рече къ нему съ великимъ плачемъ и рыданіемъ горькимъ, и съ великою жалостію сердечною: о возлюбленный сыне и боже мой сладчайшій, имамъ у Тебѣ днесъ нѣчто просити, дабы исполнилъ прошеніе мое матернее, и прошеніе мое небы тще было, свѣмъ убо яко Ты учиши люди самъ въ законѣ, отца и мать чтити, и во всемъ ихъ слушати. И Ты о возлюбленный сыне и боже мой послушай мене матере и рабы и служебницы своей; не ходи во Іерусалимъ, но аще хочещи сотворити пасху ясти, то сотвори здѣ въ Вифаніи. Сиде же рекши, и паде на честныя нозѣ Ісусовы, съ великими слезами. Онъ же удержа ю и не даде ей до земли пасти (О Христороубцы вѣрныя вси въ вѣрѣ Христовой живущіи, зрите убо како творецъ небесны самъ намъ грѣшнымъ образъ показуя, дабы мы имѣли въ чести родителей своихъ отца и мать, и во всемъ бы повиновалися и чтили ихъ). Ісусъ же рече къ матери своей: о пре-

благословенная мати моя Маріе, не имамъ ити во Іерусалимъ, во токмо въ домъ Заведеовъ. Она же рече: тако мнѣ днесъ повѣда Марія сестра Лазарева, яко придоша родители ея изъ Іерусалима, и повѣдаша яко умылиша жидове о Тебѣ въ великъ день убити Тя. Понѣже и оружіе свое собраша, и воиновъ уготоваша, ѡти тя хотять. Но еще бы азъ тому невѣрила, но понеже сердце мое отъ многого смущенія во мнѣ сокрушается, и слезы безпрестанно отъ очію моею текутъ, и изъ персей моихъ въздыханіе велие исходитъ, и мню тому въ правду быти. И Ты, о възлюбленне сыне и боже мой, неходи во Іерусалимъ, нбо самъ учиши отъ зла отходити, и гнѣву мѣсто давати. И сія словеса Ісусъ Христосъ слышавъ отъ матери своей, вельми умился, и Самъ изъ пречистыхъ своихъ очей слезы испусти, и рече къ ней; о преблагословенная мати моя Маріе, егда не приде часъ мой, тогда азъ уходихъ у нихъ многожды. Иногда бо мя хотѣша каменіемъ побити, и Азъ отъ нихъ невидимо проидохъ. Иногда же хотѣша мя съ горы низринути: Азъ же божествомъ своимъ, отъ многихъ ихъ казней укрывахся. А днесъ уже часъ мой приде, еже отъ вѣка проречено о Мнѣ. На се бо мя отецъ мой посла, и на сіе придохъ Азъ въ міръ, да отъ мучительства діаволя своею смертію спасу весь міръ. Сіе же слышавши пречистая Богородица, съ великими слезами и жалостію сердечною объемши Его руками своими, и ударися о землю горько, глаголющи: о сердце мое, о утроба моя нынѣ терзается во мнѣ ¹⁾. Днесъ Симеоново пророческое слово сбытсѣя истинно, еже прорече: и тебѣ самой оружіе сердце твое пройдетъ. Како ты помыслеши душе моя о разлученіи свѣта моего; что же убо азъ въ скорби своей имамъ сотворити; яко сынъ мой и Богъ, и свѣтъ очію моею, хочеть со мною тяжцѣ и горцѣ разлучитися. Ісусъ же нача ю утѣшати умиленными глаголы, и повѣда ей, яко все имать терпѣти волею своею, да сотворитъ волю пославшаго Его отца, и исполнитъ пророчества, яже о Немъ духъ святый усты пророкъ изрече. И подъя ю Ісусъ отъ земли пречистыма своими руками, и держаше. Услышавже тако-

¹⁾ Это самое любимое мѣсто всѣхъ раскольниковъ женщинъ. Его многія изъ нихъ знаютъ наизусть и обыкновенно повторяютъ съ горькими слезами сочувствія скорбамъ дѣвы Маріи.

выи плачь и рыданіе веліе пречистыя Богородицы, жёны мироносицы, яже всегда съ нею не отходно пребываху; скоро къ ней придоша, и взяша ю подъ руцѣ и держаще ю глаголаху: о госпоже Маріе мати о господня, что тако вопіеши; чесо ради сицевыми гласы велими; плачещи; Она же рече къ нимъ: о жёны, аще бысте вѣдали сицевыи великіи плачь мой, и веліе рыданіе, и вы бы и сами плакали, якоже и азъ плачу. Понеже мой сынъ, а вашъ учитель отъ насъ разлучается, и идетъ во Іерусалимъ на смерть. И рече къ ней Марфа сестра Лазарева: Госпоже наша пресвятая Богородице Маріе, не вѣри тому, коль краты смущаютъ насъ часто, хотяще Его убити: а Онъ всегда съ нами пребываетъ. Брата нашего Лазаря четверодневна суца изъ гроба воскреси, якоже отъ сна возбуждъ. Тако ли Самъ себе отъ беззаконныхъ жидовъ не можетъ оборонити, Богъ бо сей есть. Рече же къ ней пресвятая Богородица; вѣмъ бо яко мощенъ есть себе оборонити, Богъ бо и человекъ. Но понеже Самъ ми о Своей смерти изъявилъ, сице глаголя: яко имамъ ятъ быти, да исполню волю Бога и Отца Своего, и да избавлю весь міръ отъ работы діаволи. Сіе же слышавше жены возопиша съ великимъ плачемъ и рыданіемъ, обще жалѣюще святую Его милость о разлученіи отъ нихъ. Тогда Іисусъ Христосъ сынъ Божіи, призва къ Себѣ Марфу и Марію сестръ Лазаревыхъ, и Марію Магдалину, и начатъ имъ сице глаголати: о любимии мои друзи, азъ иду во Іерусалимъ, да исполню волю пославшаго мя Отца: а Матерь мою Марію предаю вамъ. Вы же не отступно по вся дни съ нею пребывайте, въ послушаніи велии, и утѣшайте ю съ великимъ прилѣжаніемъ, и ни о чемъ не ослушайтесь ея, и любовь имѣйте къ ней. Госпожа же наша пресвятая Богородица мати Божіи въ той часъ возрѣвши на беззаконнаго Іюду іскаріотскаго, не вѣдая его прелукаваго умышленія и лести, и глагола къ нему: о любимыи мой пріятелю Іюдо, ты бо былъ еси во Іерусалимѣ, не слышалъ ли еси коего зла отъ беззаконныхъ жидовъ, и не помышляютъ ли что о моемъ любезнѣмъ сынѣ; Іюда же рече къ ней ничтоже, милостивая Госпоже не видѣхъ и не слысахъ о твоємъ сынѣ зла, понежѣ бо азъ имамъ други пріятны, между жидами во Іерусалимѣ, и они елико услышатъ въ сонмищи ихъ жидовскомъ что о нашемъ учителіи, а о твоємъ сынѣ, повѣдаютъ мнѣ всю истинну, азъ же имамъ возвѣстити тебѣ. Сицевыя глаголы слы-

шавши пресвятая Богородица, отъ беззаконнаго Іюды, мало преста отъ плача: яко не злюбивая агница, слыша лестныя словеса потаеннаго змія, ятъ вѣру ему. И глагола къ нему пресвятая Богородица: о любимый мой пріятелю Іюдо, аще ты имаши други въ сонмищи жидовскомъ, молютися имѣй любовь къ сыну моему, а къ своему учителю, понеже бо онъ грядетъ во Іерусалимъ, и елико услыши о немъ кое зло и блюди его отъ всякаго зла. О любимыи мой друже Іюдо, не имамъ бо иному кому поручити сына моего, токмо тебѣ, да имаши попеченіе и прилѣжаніе о немъ. Повеже бо тя онъ почтивъ старѣйшинствомъ, ты же о здравіи его буди ему стражъ. Азъ бо тебѣ его поручаю и хочу тя во всемъ повелѣніи его добра быти. Слышавъ же беззаконный Іюда словеса пресвятыя Богородицы, и рече ей: добро госпоже, азъ хочу о немъ попеченіе имѣти. — Потомъ же Ісусъ Христосъ предаде матеръ свою женамъ, сестрамъ Лазаревымъ, Марѣ и Маріи, и Маріи Магдалыне. Самъ же возрѣвъ умильно на матеръ свою, и рече къ ней: о преблагословенная мати моя Маріе, благодарю тя о великой и неизрѣченной матернѣй любви и милости: понеже убо мя рождши и сосцема своими воздоила мя еси издѣтска и питала, дондеже возрастохъ и до сего дне. За сіе же воздамъ тебѣ благодареніе матери своей божествомъ своимъ.»

«Благодарю тя яко жалѣніе и попеченіе великое о мнѣ имѣла еси издѣтства моего. Сиде же ему рекшу къ матери своей, и облобыза ю глаголи: поручаю тя мати моя Богу и Отцу моему, царю небесному, и помощи Святаго Духа. Азъ же волею своею тѣломъ своимъ имамъ пострадати: но въ третій день воскресну, и тебе убо возвеличу паче всѣхъ родовъ небесныхъ и земныхъ. Пречистая же Госпожа Богородица, слышавши сіе отъ сына своего Ісуса, и возстенавши вельми отъ сердца своего; паде предъ нимъ ницъ на землю аки мертва, отъ великія скорби и рыданія. Жены же святыя предстоящія ту близь ея, подѣмше ю отъ земли, утѣшаху ю умильными словесы елико можаху, отъ плача ея. По порученіи же милостивомъ матери своей женамъ мировосцамъ Господь Богъ и Спасъ нашъ Ісусъ Христосъ Сынъ Божій, скоро поиде во святыи градъ Іерусалимъ со Апостолы своими. Уже бо настоящія той день еже есть четвертокъ предъ пасхою преклоняшеса. Вѣдая бо Ісусъ божествомъ своимъ, яко уже страсти его пресвятая часъ прииде, и

яко яту быти ему съ четвертка въ ноци на пятокъ. И дабы Апостоловъ своихъ не наученныхъ и не исполнившихъ закона не оставилъ. И яко приспѣ время быти тайнѣй вечера, и повелѣ Исусъ Апостоломъ своимъ скоро ятти съ собою, да ни единъ бы остался отъ него.» (Гл. 7-я, листы 30 — 40.)

«Господь же Богъ и Спасъ нашъ Исусъ Христосъ Сынъ божій, прииде въ домъ Іакова Заведеова, на предградіе близъ потока кедрскаго, со апостолами своими во уготованную горницу. Уже бо вся уготована бысть вечера, агнецъ великоденный печеныи, и вся по обычаю жидовскому изготовано на столѣ лежаще лентіемъ покрыто. Беззаконныи же Іюда не видѣ съ ними въ домъ Заведеовъ, но на предъ Христа тече къ беззаконнымъ жидомъ, и повѣда имъ пришествіе Іусово. Жидове же беззаконнии вельми радости наполнишася, и хотѣша въ той часъ воиновъ послати на Іусуа. Тогда возбрани имъ Іюда, и рече имъ; вѣсте убо яко онъ чловѣкъ хитръ зѣло, коль краты ухаждаше у васъ хитростию своею но еще мало потерпите, дондеже достигнетъ ноць. Егда же начнетъ онъ вечеряти со ученики своими, тогда азъ прибѣгну къ вамъ, и возвѣщу вамъ, токмо будете готови. Сице же ему съ ними изглаголавшу, и возвратиса ко Іусуу, и по обычаю поклониса Христу и апостоломъ всѣмъ. Апостоли же его вопрошаху глаголюще; о Іюдо гдѣ въ толико время былъ еси; Онъ же рече къ нимъ; азъ бо между вами идохъ, и на нѣкое орудіе останахся, и замедлихъ тамо. Господь же нашъ Исусъ Христосъ Сынъ божіи, повелѣ апостоломъ по чину сѣсти якоже достоятъ. Беззаконнаго же Іюду посади близъ себѣ одесную руку, а святаго Іоанна Богослова посади ошуюю ¹⁾). И нача Христосъ съ ними со апостолами своими, самъ третинадесять пасху ясти по обычаю жидовскому.» (Гл. 8-я, листы 41—43-и.)

«Отъиде (Христосъ въ послѣднюю ноць предъ взятіемъ) за потокъ Кедрскіи, да не будетъ его ради пролитія крови. По отшествіи же отъ апостолъ, нача Исусъ тужити и скорбѣти, сице глаголя: прискорбна ми есть душа моя до смерти о владычнее милосердіе, о предатели скорбяше, смерти бо не бояшеся безсмер-

¹⁾ Между людьми древняго благочестія на этомъ основаніи распространено убѣжденіе въ первенствѣ, старѣйшинствѣ Іуды между всѣми апостолами.

тныи Господь. Слышавъ же диаволь Господа рекша, яко *при-
скорбна ми есть душа моя до смерти*; мняше бо окаянныи дя-
воль яко боится Господь смерти, начать подвижныѣ быти. И
тече ко Аду рекъ: готовъ буди, Исусови уготовати мѣсто твердо,
да затворима здѣ нарицаемаго Христа. Се уготовихъ навѣ смерть,
и устроихъ гвоздіа, и поострихъ копіе, се же по двою дню пред-
ставляю ти Его брате мой Аде, много бо ми пакости сотвори на
земли и много прогнѣва мя, и многія сосуды моя истощи. Яже
азъ завистию невидимо себѣ сотворяхъ, а онъ смовомъ исцѣляше.
А ихже уды разрушахъ азъ, той же словомъ укрѣпляше ихъ, и
одръ носити повелѣваше. Другія же ослѣпихъ, затворихъ едино-
му очи, и веселяхся о немъ, егда о стѣну ударяшеса, и въ воду
впадаше. Онъ же пришедъ не вѣдѣ откуду, и противная ми сотвори,
и словомъ даде ему прозрѣти. И другому во чревѣ матернѣ ос-
лѣпихъ очи, не познати свѣта сего. Онъ же обрѣтъ ѿ, и броне
сотвори по маза ему очи, и повелѣ ему въ купели Силуамстѣи
омытися, онъ же умывся прозрѣ. Азъ же мѣста не обрѣтохъ ка-
мо ити, и поятъ съ собою пять бѣсовъ на все служебныхъ, и
отыдохъ отъ него далече, и обрѣтохъ юношу добра и вонъ вни-
дохъ, и живяхъ въ немъ, и како онъ разумно увѣдѣ, и пришедъ
тамо запрети ми, и повелѣ ми изыти изъ него. и не обрѣтохъ
камо ити, и *молихся Ему*, да понѣ на свннїяхъ власть прїиму ¹⁾.
Еще же паки жена отъ мене въ недугъ впаде, дванадесять
лѣтъ въ теченїи крове ея, и невѣмъ откуду прииде тамо, она
же коснуса созади края ризы его, и ста источникъ крове ея, и
гнѣвахся навѣ, но не смѣяхъ побѣдитися съ нимъ. И паки оты-
дохъ откуду, и придохъ въ страны Сирскїа, въ предѣлы Ха-
нанейскїа и обрѣтохъ отроковицу красну, и вшедъ живяхъ въ ней
творя ей злое, и вмѣтахъ ю во огонь, глаумяся о ней. Паче же
мати ея, ради ея страждаше, и не вѣмъ откуду прииде и тамо,
и абїе мати отроковицы текши, повѣда о дщери своей глаголю-
щи: помилуй мя Исусе Сыне Божїи, яко дщи моя злѣ бѣснуется.
И абїе рече ей; о жено велїа вѣра твоя, буди тебѣ яко же хо-
щещи, не Самъ же той прииде изгнати мя, изъ дщери ея (1).
Другойцы же Ему на мори въ корабли спящу, и внезапноу воздвигохъ

¹⁾ Евангел. отъ Марка, заг. 19.

вѣтръ, и возмутися море, и сражахуся волны, и вливахуся въ корабль, и хотѣхъ погрузити корабль немже бѣше Онъ со ученики своими; и се уже хотящу кораблю сокрушитися, и абіе возбудиша Его ученицы, и воставъ, запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велія. И паки оттуду идохъ въ Вифанію, и восхитихъ друга Его Лазаря, и приведохъ ти брате мой Аде, и безпечали быхъ, мня яко уже не можетъ его оттуду исхитити отъ тебе. И по четырехъ днехъ, не вѣмъ откуда приде тамо, и не вѣдѣхъ, спящу ли ти, или ины хранящу, восхити отъ тебѣ. И отвѣща Адъ аще Той есть иже Лазаря изведе;—молются не води Его сѣмо, того бо мя токмо гласъ устраши, и силу мою разруша, и гласа Его не могохъ стерпѣти. Того ли ми возвѣщаеши затворити, аще бо онъ придесть сѣмо, то яже имамы здѣ вся изведеть отсюду. Азъ убо тогда тѣло Лазарево сгноихъ, и начаша составы его разступатися; егда же Онъ возгласи: Лазаре гряди вонъ! И абіе выскочи изъ вѣдръ моихъ яко левъ изъ вертепа, и яко вранъ летяше въ мегновеніи ока, и азъ Того затворити не могу. Отвѣщавъ же діаволь глагола: утроба твоя несытная, и сила твоя да приметъ, не бляди много. И отвѣща Адъ, рече: кая ми сила; пбо аще имѣлъ бы силы побѣдилъбься съ нимъ, но мною ли Юдем хочещи оправданъ быти. И глагола ему діаволь, о страшливе, не множайше ли мнѣ колико зла сотвори, не престахъ бо побѣдяся съ нимъ, ты же единю зло примъ отъ Него, толику болѣзнь мниши себѣ. Азъ убо видѣхъ егда онъ выну болѣзни исцѣляше, тогда начяхъ души человѣческая мучити, Онъ же невидимѣ здравіе подаваше. И егда видѣхъ яко тако творить, и паки обрѣтохъ юношу именовъ Матфея и возложихъ на сердце ему помыслъ имѣнію, и поставивъ его на мытницѣ и вельми послушаше мене юноша, яко же и бѣяше вся и радовахся о немъ. И не вѣдѣ откуда Онъ приде, и мимо идыи рече: о юноше иди по мнѣ, и абіе оттого словесе Матфей остави мытницу и послѣдоваше по Немъ, и бысть Ему ученикъ а мнѣ врагъ. Азъ же оскорбихся зѣло, и мняхъ яко возраста ради возлюбилъ его и восхити отъ мене. Изыдохъ же въ страны Ерихонскія, и обрѣтохъ челоуѣка мала возрастомъ, именовъ Закхей, и внидохъ вонъ, и устроихъ его на мытницѣ и утѣшихся отъ печали яже о Матфеи; и мнѣхъ яко сего возраста ради не имать возлюбити. И пришедъ Онъ съ народомъ не вѣмъ откуда. Закхей же не мо-

гій видѣти Его и возлѣзе на смоковницу. Возрѣвъ-же Ісусъ и глагола ему: Заклеще потщався слѣзи, днесь бо подобаетъ ми въ дому твоємъ быти, и абіе пріятъ его радуясь: и бысть Ему ученикъ а мнѣ врагъ. И шедъ возврати четверницею его же избидѣ, и полъ имѣнія своего даде нищимъ. Егда же не обрѣтокъ камонти, идохъ къ братіи моеи къ жидомъ, и вооружихъ я нань. Отвѣщавъ же Адъ ко Діаволу рече: останися Его, ни что же бо имаша съ Нимъ. И глагола ему Діаволь, азъ видѣхъ яко человекъ есть, и боится смерти. Се бо разумѣ, яко предастся, и скорбя глагола: прискорбна есть душа моя до смерти. И глагола ему Адъ: иди и якоже хочещи твори, и аще побѣдиши ѣ, то затворима здѣ, и царствуемъ со Іудею. Аще ли ты одолѣеть, и пришедъ съмо вся изведеть, яже имамы затворенныя здѣ, и свяжетъ ти и слуги твоя со Іудею, и предастъ вы мнѣ, о горе вамъ будетъ окоянніи. И сія слышавъ Діаволь, иде ко Іудеомъ и вооружи на Господа, да Его погубятъ.» (Гл. 10, листы 52 на обор. до 58.)

... «Потомъ же окоянніи жидове исправившася, и во умъ придоша, и восташа отъ земли (на которую упали въ гефсиманскомъ саду при словѣ Христа: «азъ есмь»). яко отъ сна возбудишася. И рече къ нимъ беззаконныи Іуда: о не сильніи есте воини, чесо ради страшитесь одинаго человекъа толико васъ; азъ бо мню яко мзду взясте вы отъ пріятелей его, и помогаете ему, дабы онъ отъ васъ убѣжалъ. Того ради Іуда сіе изрече, понеже бояшеся дабы Ісусъ отъ нихъ не укрылся: и того ради сребреникъ да не будетъ лишень. Воини же рекоша къ нему: о Іудо, зриши ли како и самъ падаеша съ нами, а намъ глаголеши яко мзду мы взяли отъ его пріятелей, и помогаемъ ему дабы ушелъ отъ насъ. Тогда убо беззаконныи Іуда рече къ воиномъ: возмите скоро свѣщи и зажгите, и поидите уже прочее не бойтеся его. Зряще бо онъ окоянныи Іуда, яко Господь нашъ Ісусъ Христосъ Сынъ божіи смирилъ себе предастся на смерть волею своею, и близъ ихъ стоитъ смиренъ и кротокъ. Тогда прискочи беззаконныи Іуда смѣло ко Іесу, и объять облобыза Его глаголи. радуясь» и проч. (Гл. 11, листы 59 и 60.)

«Тогда святыи апостоль Петръ скоро воспріянувъ отъ сна, и прискочивъ къ нимъ съ яростию великою, и ухвати за груди слугу Архіереова именемъ Малха, и удари его о землю, и отрѣза ему

правое ухо ножемъ. Исусъ же запрети ему в рече: Петре не дерзай ножемъ, и вложи ножъ во влагалище свое. Ибо аще кто ножемъ на кого дерзнетъ, то и такожде отъ ножа и самъ погибнетъ. Внемли убо Петре себѣ, аще убо азъ восхотѣлъ отъ сихъ беззаконныхъ жидовскихъ воиновъ оборонитися, тогда бы ми представило безчисленно ангелъ, яко бы и праху жидовскаго не было: но да сотворю волю пославшаго мя Отца. И да сбудется писаніе пророческое; поражу пастыря и разыдутся овцы. И повелѣ Исусъ Петру апостолу приложити ухо Малхова паки къ нему. Святый же Петръ приложи ухо къ Малху, и Христось сынъ Божіа исцѣли его, и бысть цѣло яко же и прежде. (Гл. 11, листы 61 и 62.)

«Воини же жидовскія взявше Исуса связавше руцѣ Ему пречистыя и на шію Его святую возложиша цѣпь желѣзную. И начаша бити Его немилостивно мечными плазы и дреколиемъ, и иными всякими оружіи, кто что въ рукахъ своихъ имѣяше: и влечуху Его по земли цѣпію за шію, и вельми сурово биша Его на мѣстѣ томъ, и пречистыя руцѣ и нозѣ Его отбиша. Потомже возставиша Его на нозѣ, и поведоша чрезъ потокъ кедрскіи. Сами убо они окалнн жидове идяху по суху, Исуса же пяху въ блато. Толико же биша Его яко съ великаго ихъ бѣвнн не можаше възъ грязи выбрести, они же влечуху Его цѣпію за шію, чрезъ потокъ кедрскіи. Егда же извлекоша Его на сухое мѣсто, возложиша руки своя на Него, и биша зѣло немилостивно всякими орудіи своими, и злыми и лукавыми умысла. Толикоже и збиша Его по всему тѣлеси, яко отъ крови Его и земли обогрится. И аще бы божество не укрѣпляло Его челоувѣчества: то бы и смерть вкусилъ на мѣстѣ томъ. И приведоша Исуса во дворъ Анны архіерея, понеже той Анна архіерей тестъ Каиафѣ баше. Каиафа же того мѣста церкви держа начальство. И тогда собравшася множество жидовъ во дворъ Каиафинъ, прежде пришествія Христова, ждуще Исуса во дворѣ той. Тогда видѣвше апостоли како жидове наругашася и биша Исуса немилостивно, вси разбѣгшася страха ради юдейскаго, кто гдѣ возмогъ убѣжати и скрытися. токмо единъ святый апостоль Іоаннъ Богословъ идше за Исусомъ близъ Его, *бы бо знаемъ Архіереевъ.* И святый апостоль Петръ возвратися отъ бѣжанія своего, идше издалече во

слѣдъ за Исусомъ, обзираяся сѣмо и овамо, бояся дабы не ухватили его.» (Гл. 12, листы 63—64.)

Далѣе о мученіяхъ Христа разсказывается такъ:

... «И начаша ѣ бити немилостивно по ланитомъ, и пихаху ногами своими, и плеваху аки въ простое лице Христово, и въ пречистыя очеса Его и во святыя уста Его. И толико горцѣ Ему бысть сія мука плеванія ихъ смрадное, и проклятое ихъ досажденіе, и скверное глаголаніе: яко и уму человѣческому не возможно изрещи. Толикими муками мучиша Исуса, и горше сихъ. Исусу же быша руцѣ связаны назадъ, и невозможно Ему быше утиратися сквернаго ихъ заплеванія, яко и дивитися тамо предстоящимъ человѣкомъ, таковому ихъ възбѣшенію и поруганію.» (Гл. 13, листъ 67 на об. и 68.)

... «Тогда вси беззаконніи жидове съ яростію аки зми и безстудніи пси, похватиша немилостивно Исуса и начаша бити, и за власы пречистыя драти, и за святую браду терзати. А инии по пречистымъ ланитомъ быша крѣпко, ударяюще во святую Христову главу. А инии плеваху въ святое лице его, а инии рѣюще, инии же щиплюще; а инии же преклоняху колѣна своя, и кланяхуся Ему ругающеся. Инии же аки пси высовывающе языки своя, и прекривляющеся. Ови же завязавше лентіемъ Его очи, и ударяху въ ланиту глаголюще: прорцы намъ Христе кто естъ удариавый Тя; и толикія неизреченныя муки воздаша Ему, яко пречистому тѣлу Его всему обагритися кровію, и земли омочитися оною, и еле жива суща оставиша Его.» (Гл. 13, листъ 70.)

На самомъ судѣ Пилата являются свидѣтельства за Христа. «Никодимъ же нѣкто Іудеянинъ ту съ ними предстоящій на судищи томъ, рече къ Пилату: молю те господине Пилате, повели ми рещи слово. Пилатъ же рече, рцы ми. Никодимъ же рече; азъ рекохъ бо всему народу Іудейскому на соборѣ, что ищите за человѣкомъ сѣмъ вины; азъ есмь о Немъ истинныи свидѣтель, яко человѣкъ сей Исусъ, глаголемый Христосъ, много знаменія преславно сотвори, аже никтоже никогдаже сотвори, и сотворити таковыхъ чудесъ не можетъ. Оставьте Его и не совъщайте о Немъ зла. Да аще суть отъ Бога знаменія, то таа

состоятся, аще ли отъ чловѣкъ будутъ разрушаты *). Убо Моисей посланъ бысть отъ Бога во Египетъ творити знаменія великая, аже рече ему Богъ, предъ Фараономъ царемъ Египетскимъ. И бѣша ту мужіе угодніи фараоновіи, Анній и Замврій, иже сотвориша знаменія и чудеса многа, яко же сотвори и Моисей. И имяху ихъ Египтяне яко боги. Но понеже знаменія ихъ не бѣяху отъ Бога, погубишася, и вси елици вѣроваша въ нихъ. И нынѣ оставите чловѣка сего, вѣсть бо повиненъ смерти. И рѣкоша Іудей Никодиму: или ты ученикъ еси Его, и слово о Немъ твориши. И глагола къ нимъ Никодимъ: еда и Пилать ученикъ Его естъ, и слово о Немъ творить. Не постави ли его Кесарь надъ таковыми словесы. Іудей же претяще Никодиму глаголати, и скрегюще зубы своими на него. И глагола имъ Пилать: что убо зубы своими скрежещите на Никодима, яко слышавше его истинну глаголюща. Рѣшаже Іудей Никодиму: истинну Его да имаши ты, и въ части Его да будеши. И рече Никодимъ! аминъ да буду съ Нимъ по глаголу вашему, яко же вы глаголете. Единъ же нѣкто отъ Іудей возгласи моляше Пилата яко да повелитъ ему слово рещи. Пилать же рече ему, глаголи еже хоцещи. Онъ же рече: азъ одержимъ бѣхъ лютѣ болѣзнію, тридесать и осмь лѣтъ, и лежахъ на одрѣ моемъ боленъ, пришедъ же Ісусъ исцѣли мя, и рече ми востани и возми одръ свой и ходи, и абіе исцѣлѣхъ, и взяхъ одръ мой и поидохъ и быхъ здравъ. И паки возва другіи Іудей глагола: азъ слѣпъ родихся, и гласъ слышахъ отъ Него, и учительныя словеса и яко имя Его прославляютъ вси народи іудейстїи, лица же Его не видѣхъ. Егда же приде ко мнѣ, тогда возопихъ къ Нему велимъ гласомъ: помилуй мя Ісусе сыне Давыдовъ. Онъ же милосердова о мнѣ и возложи на мя руку Свою пречистую, и абіе прозрѣхъ, и до сего дня вижу, и не поболѣхъ ни о чемъ. И другіи отъ Іудей рече: азъ прокаженъ бѣхъ, и словомъ единѣмъ исцѣли мя Ісусъ, и до сего дне не поболѣхъ. И паки нѣкая жена именовъ Верунія, издамече вопіющїи сиде рече: азъ кровоточива бѣхъ лѣтъ дванадесать и коснухся создаи края ризъ его. и абіе ста теченіе крови моя, и исцѣлѣхъ, и до сего дне здрава естъ. Тогда рекоша Іу-

*) Никодиму здѣсь очевидно приписываются слова, сказанныя сонмищу еврейскому Гамалеломъ.

деи: законъ убо имамы, яко жена на свидѣтельство не исходитъ. Мнози же отъ народа вшедше посредѣ мужи и жены, и дѣти и возваша глаголюще: сей человекъ пророкъ великъ и силенъ есть, яко и бѣси повинуются ему. И глагола Пилать къ вопіющимъ: то почто учителя ваши и архіереи не повинуются Ему. Они же рѣша къ Пилату: не вѣмы. И нїи свидѣтели восташа по Христѣ истиннїи, и рекоша: мы вѣмы яко Сей человекъ воскреси Лазара отъ мертвыхъ, четверодневна суща, во гробѣ лежаща. Слышавъ же Пилать, и пристрапенъ бысть, и рече ко всему народу Юдейскому: что хотите изліати кровь неповинную и призва Никодима и дванадесять онѣхъ мужей, иже глаголаху о Христѣ, и рече имъ: что сотворю, яко крамола велія въ людехъ; они же рекоша ему не вѣмы. Тїи сами да узрятъ. Паки же призва Пилать весь народъ Юдейскїи, и глагола имъ: вѣсте яко обычай вамъ есть на всякъ день праздника вашего, отпущати вамъ единаго отъ связанныхъ вашихъ. Се убо имамъ нѣкоего убійцу темницы глаголемаго Варавва, и сего стояшаго Исуса предъ вами, въ Немъ-же ни единыя вины обрѣтаю. Коего убо хотите отъ обою отпущу вамъ.» (Гл. 14, листы 76 — 79 и на обор.)

«Онъ же (Пилать) убоявся дабы его Кесарю не оклеветали, повелѣ воиномъ отпустить Варавву. Исуса же повелѣ привязати къ столпу по средѣ двора своего и бити немилостивно жезліемъ суковатымъ. Беззаконнїи же воины жидовстїи начаша бити немилостивно Христа жезліемъ суковатымъ, по четыре человека премѣняющесе быша владыку Господа славы. И гдѣ пречистое Его тѣло ударяку, ту отторгошесе святая плоть Его съ кровію и падаше на землю. Яко мало не все тѣло Его святое отпаде, яко жылы Его и кости пресвятыя быша видими. И аще бы былъ простъ человекъ то бы и смерть вкусилъ: но понеже бысть купѣ Богъ и человекъ, сего ради преизлишне и сильнѣ страсти терпяше.» (Гл. 15, листъ 83 — 84).

«О горе тебѣ Іудо, что се сотворилъ еси; како нечестивїи жидове и ненавистнїицы богомерзцыи имѣне Исусъ Христова, не взяша сребреники, и ниодинъ, не смѣ взяли ихъ. а ты пребеззаконнїи Іудо како творца своего не утрашился еси предати. Бога преслушавъ, учителя своего отчаявся, прелукаваго же діавола послушавъ, Сына Божїя предалъ еси на

смерть крестную за тридцать сребренникъ, *аки проста чело-
вѣка*, и страсть и муку на Него воздвигъ. О! Юдо, что каеши-
ся предъ беззаконными жиды, и архіереи и книжники жидовскими,
и старѣйшины Юдейскими, и что же тебѣ поможе твое пока-
яніе. И помышляше въ себѣ Юда, иду и удавлюся, и сиду во
адъ прежде Сына Божія, и егда Онъ Сынъ Божій Ісусъ Хри-
стосъ придетъ во адъ, и азъ тамо умоливъ Его спасеніе полу-
чу. И шедъ повѣси себе на нѣкоемъ дубѣ¹⁾. Богу же хотящу,
или въ покаяніе пріити ему, или на обличеніе и на показаніе и
посрамленіе сохранить его. древу преклоншуся оживе. И потомъ
по-нѣколицѣ времени въ недугъ чревыми впаде, и толчко тѣло
его отече, елико идѣже колеса удобъ мимо хождаху, оному не
могущу проити. Отокъ же главы его неизречененъ, вѣжди бо
выше очесъ его толико въздоша, яко ему ни весьма свѣта ви-
дѣти. Очесѣмъ бо его во глубинѣ толико зашедшимъ яко ни поз-
наватися мѣсту ихъ. Срамныи же удъ его, всякія убо мерзости
мерзчайши являшеса, и паче трупу его велику сущу, яко же
отъ всего тѣла стицающуся гною и червемъ. По многихъ же
мукахъ и томленіихъ, разсѣдеса на полы, яко же Лука глаголетъ
въ дѣяніихъ. Отъ смрада же онаго, и до нынѣ пусто и не на-
селено бысть мѣсто оно, идѣже нечистую душу отверже: и даже
и до днесь никто же можетъ мѣсто оно мимо ити, аще рукою
воздри не заградитъ. Толикъ бо судъ и на земли плоти его
бысть. И тако окаянный злѣ погибе.» (Гл. 15, листы 84—86).

.... «Потомъ же Пилатъ повелѣ отъ столпа Ісуса отвязати,
и одѣянія его на него возложить. Егда же отвязаша Ісуса, онъ
же паде на землю не могѣи стояти. И тогда Пилатъ предаде его
воли жидовстѣй, и елико восхощутъ да сотворятъ ему. И осуди
на смерть крестную, и повелѣ его распяти. Жидове же напо-
ниша мздою руки воинномъ, дабы его до конца умертвили. Пи-
лата же одариша многоцѣнными дарами, онъ же повелѣ воинномъ
уготовати крестъ, на немже имать Ісусъ распятъ быти.» (Гл. 15-я,
листъ 87-й).

«Егда же быть уже часъ шестыи дне, воини же уготоваша

¹⁾ Несмотря на это сказаніе, въ древлемъ благочестіи такъ же какъ и
въ средѣ православнаго народа вѣрятъ, что Юда повѣсился на осиново-
мъ деревѣ, отчего и до сихъ поръ осиновыя листья постоянно трепещутъ.

крестъ по повелѣнію Пилатову. Тогда взяша Господа нашего Ісуса сына божія, и поведоша на мѣсто краниево еже есть лобное мѣсто: (яко ту погребеса Адамъ) къ горѣ Голгоѣ на ней же имать распять быти.» (Гл. 17-я, листъ 89-й).

.... «Воини же егда пропяша Ісуса, пріяша ризы его, и сотвориша четыре части, комуждо воину часть, и хитонъ. Бѣже хитонъ не швенъ, свыше истканъ весь. Рѣша же къ себѣ, не предеремъ его, но метнемъ жребія о немъ, кому будетъ. да сбудется писаніе глаголющее, раздѣлиша ризы моя себѣ и о матисмѣ моей меташа жребія. И по жребію достася единому отъ воинъ тѣхъ, родомъ Иверскія страны, хитонъ святыи. По страсти же Христовѣ и по воскресеніи иде той воинъ во страну свою, несе же съ собою и хитонъ Христовъ: и пришедъ во своя повѣдая всѣмъ яже во Іерусалимѣ содѣявшаяся о Христвѣ. Хитонъ же Христовъ даде приснѣй по плоти сестрѣ своей, отроковицѣ сущей вмѣсто великаго дара. Отроковица же та благоразумна сущи, слышавши отъ него яже о Христвѣ бывшая чудеса, зѣло возлюби ю и честнѣ храняше той хитонъ Господень. По смерти же своей заповѣда вмѣсто погребальныхъ устроений въ немъ и погребсти себе. По малѣ же времени отъиде и она отъ житія сего, юже по повелѣнію ея и погребоша въ хитонѣ Господни. По времени же нѣкоемъ древо израсте надъ гробомъ отроковицы тоя велико и красно зѣло, отнего же муро благовонно истечетъ¹⁾. (Гл. 19-я, листы 96-й и 97-й).

«Единъ же отъ обѣщенныхъ злодѣй именовъ Гевста, рече ко Ісусу: аще ты еси Христосъ, спаси себе и насъ. Отвѣщавъ же другіи разбойникъ именовъ Дизмасъ прещаше ему глаголя: брате не боишился ты Бога, яко въ томже осужденъ еси; и мы убо въ правду. достойная бо по дѣломъ нашимъ восприемлемъ. Сей же ни единого зла сотвори.» (Гл. 19-я, листъ 97-й).

«И восташа громи и молніи страшни (по распятіи Христа) по всей земли. И тьма бысть отъ шестаго часа до девятаго, солнце преложиися во тьму и луна въ кровь претворися. Сія видѣвше преокаяннии жидове, побѣгоша въ дома своя во Іерусалимъ, съ великою поспѣшностію и со страхомъ трепещуще и ждуще на

¹⁾ Преданіе это извѣстно и въ православной церкви, заимствовавшей его у церкви грузинской.

ся гнѣва Божія, за пролитіе неповинныя крове сына прѣблагословеннаго. И тако тыя три часа лежаша ниць въ домѣхъ своихъ, аки мертви ничтоже, могуще глаголати ни помочи себѣ сотворити.» (Гла. 19-я, листъ 102-й).

«Посла же Пилать ко Юдеомъ, и рече къ нимъ: видѣсте ли вся бывшая; они же утѣшаху его, глаголюще, ничтоже вѣсть, солнце бо по обычаю своему померче. Окаяннымъ же діаволъ видѣвъ знаменія яже на крестѣ быша, солнцу омрачающуся, и земли трясущися, и по заповѣну церковную раздираему, и каменію распадающуся, и самого поругана; в тече ко Аду глаголя: горе мнѣ окаянному, яко поруганъ быхъ, помози моему окаянству, затворима врата да не увидемъ сѣмо, и утвердимъ заклепы желѣзными, и всею силою станемъ противу ему, еже бы не пріяти его. И тече Адъ затвори врата, и заклепы желѣзными затверди. Мняше бо окаянный діаволъ удержати во адѣ тамо сущихъ, но невозможе.» (Гл. 19-я, л. 105 и 106-й).

«Вземше же Іосифъ съ Никодимомъ и Іоанномъ Богословомъ пречистое тѣло Господа Бога и спаса нашего Ісуса Христа сына божія, и понесоша ѣ ко гробу, и несоша тѣло Ісусово ничтоже поюще, токмо захлипающеся во слезахъ своихъ. И слышаша ангелъ множество, не видимо на воздухѣ вельми сладцѣ, трисвятую пѣснь воспѣвающихъ. Тогда же и Іосифъ съ Никодимомъ и со Іоанномъ Богословомъ такожде начаша пѣти тѣмъже равно-ангельскимъ гласомъ, сице возглашающе и умильно поюще; святыи Боже, святыи крѣпкіи, святыи безсмертныи помилуй насъ.» (Гл. 22-я, листъ 124-й).

«Слышавше же беззаконніи Юдее, яко тѣло Христово испроси Іосифъ у Пилата и положи ѣ въ новемъ своемъ гробѣ. искаху его, и онѣхъ дванадесять мужей, иже по Ісусѣ предъ Пилатомъ съ Никодимомъ глаголаху добрая дѣла Христово и хотяху убити ихъ. Тогда они вси благообразніи мужіе скрышася страха ради іудейскаго. Токмо Никодимъ предъ ними явися, *зане князь бѣ первыи во Іудеихъ.* и глагола имъ: Почто паки видосте въ соборъ; они же рекоша къ нему: ты почто вшелъ еси здѣ, яко ученакъ Ісусовъ еси, и въ части Его да будеши во ономъ вѣцѣ. Никодимъ же рече имъ: аминь, аминь, да будетъ тако по глаголу вашему. По семъ же Іосифъ пришедъ къ нимъ и рече: почто вы оскорбистеса на мя, яко испросихъ у Пилата тѣло

*

Исусово, и погребохъ ё честно въ новѣмъ своемъ гробѣ, и камень великъ возложихъ на нь. Вы же не добро содѣласте на праведника сего, или како нераскаестеся; но послѣди и копиемъ въ ребра прободосте его. Сія словеса слышавше пребеззаконниі Іудеи отъ Іосифа, яша его и хотяху затворити въ темницѣ, глаголюще къ нему: Іосифе вѣдомо ти буди, яко заутра злая о тебѣ содѣются. Днесь бо не имаша умерети, повеже субота настоятъ. но послѣди злою смертію умреша, и плоть твоя звѣремъ и птицамъ небеснымъ предана будетъ на свѣденіе. Іосифъ же рече къ нимъ: сіе слово есть гордаго Голіафа, иже поношаша на Бога жива. Богъ же рече пророческими усты: мое отмщеніе, азъ воздамъ. Нынѣ убо понтійскіи Пилать, не обрѣзаніемъ тѣлеснымъ но обрѣзаніемъ сердца, приимъ воду, умы руцѣ предъ всѣми вами, глаголя: чистъ есмь отъ крове праведника сего, вы узрите. И отвѣщасте вы и рекосте: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. И боюся да не како найдетъ на вы гнѣвъ Божіи и на чада ваша. Слышавше же Іудеи словеса сія и огорчашася душею, и емше Іосифа затвориша Его въ темницѣ, и затвердиша, и стражи поставиша окрестъ темницы извнѣ, и крѣпко запечатлѣша, и совѣщаша убити его. И повелѣша старѣйшины и священники жидовскія, да заутра, въ недѣлю, вси въ сонмищи обратятся, и разыдошася въ дома своя. (Гл. 23-я, листы 129—133-й).

«...се бо уже умре, и погребенъ бысть (говоритъ Пилать Іудеямъ, требующимъ стражи). имате убо стражей своихъ и войны, яко же хотите блюдите Его, *желѣзы гробъ Его обложите*, или печатями печатлѣйте, да послѣди не рцете на мя; аще не бы возбранилъ Пилать намъ, не быхомъ погубили мертвеца. якоже вѣсте утвердите гробъ. Аще ли кто отъ ученикъ Его приидеть, имше убійте его. И идоша архіереи и книжники жидовскія и старѣйшины іудейскія и войны ко гробу Христову, и утвердиша его желѣзы и знаменавше печатями, и многія стражи поставиша стрещи, и отъидоша въ дома своя. И небрежаху суботу по закону Моисеову, но зло творяше, піюще и веселящася, мняще беззаконниі жидове удержати заклепами желѣзными творца всѣхъ и бога. И забыша день Господень въ веселіи своемъ и радости сквернѣй.» (Гл. 24-я, л. 132 и 133).

«Скоро шедше (говоритъ ангелъ, отвалившій камень отъ гро

ба), рцыте ученикомъ Его, и Петрови, въ ровѣ плачущуся, отверженія своего отъ Христа, яко воскресе Христось отъ мертвыхъ, и варяетъ васъ въ Галилеи, тако ¹⁾ Его узрите. Господь же нашъ Иисусъ Христось сниде во адъ, діавола гоня. Силы же небесныя предтечаху предъ Господемъ, и се врата адова затверженн бяху крѣпко. И возгласиша силы небесныя ко аду глаголяще крѣпко: возьмите врата вѣчная, и увидетъ царь славы. Адъ же яко не вѣдыи изъ внутрь глаголаше: Кто есть сей царь славы, повѣдите ми; силы же небесныя глаголаху ко аду: Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани. Отвѣщавъ же Адъ глаголя: то аще тако есть, то что ищите здѣ; почто остависте небеса и сидосте сѣмо? И глаголаху силы небесныя: понеже есть царь славы, и противника гоняи, и сниде связати его, и да отъ тебѣ воины исторгнетъ, и силы твоя испровержетъ. И рече Адъ ко діаволу: треглавниче и Вельзауле преокаянне, ратниче ангельскъ, посмѣшниче святымъ, немощне, пагубне, не рѣхъ ли ти азъ, не сварися съ нимъ, се нынѣ яко же прежде рекохъ тебѣ предсташа ти. Что сотвори тако окаянне, почто ослушался еси глаголъ моихъ; нынѣ приде гоняи тя. Тебе ради и азъ плѣненъ бываю. Изыди аще силенъ еси, сряци Его царя славы, и борися съ нимъ, а азъ помощіи тебѣ не могу. Діаволъ же отвѣща ко аду, и рече: Помилуй мя аде брате мой не отвержай ему вратъ, и держи крѣпко заклѣпы вратныя, дождеже паки вспять возвратится на небеса. Но подвигнися мене ради, аще и поруганъ будеши. Кто убо не поруганъ бываше отъ глаголъ Его лестныхъ; овогда яко смерти боялся, глагола же: прискорбно ми есть душа моя о смерти. Иногда моляся со слезами Богу и Отцу своему глаголаше: Отче аще возможно есть да мимо идетъ отъ мене чаша сія. Сія глаголы прельстиша мя. Онъ смиряя себе тако глаголаше. азъ же окаянный мнѣхъ яко смерти бояся печалуетъ. Сице ему глаголющу, и гласъ съ небеси бысть, глаголя: грядите, и изыдите, и сотрясошася основанія адская, и мертвіи восташе и възграшася, слышавше трепетныи гласъ спасовъ, за спасеніе всего міра умершаго. Тогда ангели огненнии съ небесе снишедше вѣдра адская, предъ Спасителемъ вопіяху глаголюще: возьмите врата вѣчная и увидетъ царь славы. И бле-

¹⁾ Очевидная опечатка. Вѣроятно *тамо*, а не *так*о.

шахуса молніи въ совровищахъ адскихъ. Убоися смерть и вострепета адъ, и испроверженъ бысть діаволъ. Бѣжаша бѣси въ превсподній тартаръ, и радость смертная въ плачь претворися. И рыдая діаволъ плачяся глаголаше: увы мнѣ окаянному и немощному, что ми бысть внезапно; азъ мнѣхъ яко единъ есмь царь, и нѣсть болѣ мене на земли иного царя. Силы же небесныя пребываху глаголюще: возьмите врата князи ваша, и возмітеся врата вѣчная, и видеть царь славы Ісусъ Христосъ сынъ божиі. Пророцы же и вси сущіи во адѣ, слышавше о царѣ славы радовахуса, Іоаннъ же святый пророкъ и предтеча и креститель Господень глаголаше ко всѣмъ праведнымъ пророкомъ: не рѣхъ ли вамъ яко скоро грядеть царь славы Ісусъ Христосъ сынъ божиі, извести насъ отсюду. И вси праведніи веляху ко аду глаголюще: отверзи врата вѣчная да видеть царь славы сѣмо. Адъ же не отверзаше врата, и крѣпляшеса твердо. И отвѣщавъ пророкъ Давыдъ и рече къ праведнымъ:

«Надейтеса, егда бо бѣхъ на земли, и провидѣхъ бывающая, яко отверзутся ему врата вѣчная, и рѣхъ: сотретъ врата мѣдная, и верей желѣзныя сломить, и силы адовы сотретъ, и узы смертныя разрушить, жало діаволе притупить, и бѣсовскую крѣпость разрушить. Возоинша же ангельскія силы велимъ гласомъ, глаголюще: да возмутся врата вѣчная. И потрясошася вся основанія преисподняя, и падеся адъ, не стерпѣ ярости божиі. И разрушишася вся заклѣпы, и врата падоша сами. И адъ стоняше вельми трепеща. И діаволъ плача и рыдая зубы своими скрежеташе. Господь же Богъ и владыка, царь славы Ісусъ Христосъ сынъ Божиі сниде во адъ съ силами небесными, и скончася писанное: гдѣ ти аде побѣди и сила; гдѣ ти смерти жало; Срѣтоша же Господа вси святіи пророцы и праведницы, радующеса, поюще и хваляще Господа, и глаголюще: благословенъ грядыи во имя господне, царь изравлевъ, осанна въ вышнихъ Сыне божиі. Тогда Господь нашъ Ісусъ Христосъ Сынъ божиі испровергъ ада, и поимъ діавола, и сведе ѿ въ преисподняя земли, во юдоль плачевную, и связа его узами желѣзными и нерѣшимыми, и посла его во огонь неугасимыи, и червь неусыпающій, идѣже есть затворенъ и до послѣдняго дне ¹⁾. Поимъ же Господь вся праведники, и святыя отцы

¹⁾ Старовѣрческіе начетчики—или какъ объ нихъ относятся, «малограмотные, глубоко знающіе слово Божіе»—опровергають сказанное здѣсь,

и пророки, и изведе ихъ изъ ада, глаголя: возьмите врата радующеся. И исхождаху вси праведницы оттуду. Пророкъ Давыдъ бѣ въ гусли своя, веселяшеся, глаголя: прїидите возрадуемъ Господеви, воскликнемъ Богу спасителю нашему, яко боряся за насъ, и побѣди діавола и связа ѣ, и ада разруши и испроверже. И вси отвѣщаша прорицающе пророцы, аллилуїя. И паки глаголаше Давидъ: Вси языцы воспещите руками, воскликните Богу гласомъ радости. И другїи пророкъ глаголаше: возвеселитеса небеса, и да радуется земля, яко царь славы боряся за насъ, и одолѣ. Сиче радующеся вси святїи и праведнїи и пророцы въ рай течаху. Вшедше, же обрѣтоша разбойника, и ужасошася. Глаголаху же разбойнику: кто тя ввелъ сѣмо; кто ли тебѣ врата райскїя отверзе; что ли благо сотвори яко прежде насъ вниде сѣмо; едѣ и здѣ убити пришолъ еси, или украсти; что вшелъ еси сѣмо прежде насъ, рцы намъ; кто тя ввелъ сѣмо; Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: не задѣломое внидохъ сѣмо, не бѣхъ бо достоинъ и приблизитися здѣ. Но владыка чловѣколюбецъ милостивыи введе мя здѣ въ рай. Азъ же ничтоже добра сотворихъ, паче же зла дѣяхъ много. И осудиша мя жидове распяти съ безсмертнымъ царемъ Ісусъ Христомъ Сыномъ божїимъ и хотяще мя убити, но животь вѣчныи дароваша ми распенше мя съ Господемъ. Видѣвже азъ многогрѣшныи чудеса велїя и знаменїе крестное, и разумѣхъ яко Сынъ божїи есть, и возопихъ гласомъ велїимъ: помани мя Господи егда прїидеша во царствїи своемъ. И абїе примъ Господь моленїе мое, и рече ми: Аминь глаголю тебѣ, днесъ со мною будеши въ рай: и аще возбранить ти пламенное оружіе, покажи ему се крестное знаменїе, и отверзетъ врата райскїя. Егда же прїи-

что сатану связалъ самъ Христосъ, и еще связалъ *«до послѣдняго дне»*. Они говорятъ, что составитель страстей ошибся, потому что Іоаннъ Богословецъ во апокалепсїсѣ во главѣ двадесятой яснѣ пишетъ, яко не самъ Господь вязалъ сатану, но ангель имѣвшїй ключъ бездны, и уже (т. е. узы, вязало) велико въ рупцѣ своей. И ятъ змїя (віс) древняго иже есть діаволь и сатана и *связа ѣ на тысящу лѣтъ*, и въ бездну затвори его, и заключи его и запечатлѣ надъ нимъ да не прельститъ къ тому языки, дондеже скончается *тысяща лѣтъ*, и по сихъ подобаетъ ему отрѣшену быти на мало время. (Ап. г. XX, 1—4).

Поэтому расколъ и допускаетъ нынѣ царствованїе и владычество змїя, діавола, антихриста, излетѣвшаго изъ бездны, по скончанїи своего тысячулѣтняго заключенїя.

дохъ сѣмо, и видѣвъ мя пламенное оружіе, хранящее входъ, и затвори ми врата. Азъ же показахъ ему владычное знаменіе крестное, и абіе отверзе ми врата, и внидохъ сѣмо. И вшедши ми въ рай никогоже не обрѣтохъ и ужасохся, и глаголахъ къ себѣ, гдѣ есть Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ, и прочее множество святыхъ пророкъ и праведныхъ. И ходящу ми и чюдящуся. И се явистася одесную страны восточныя два мужа стара деньми, и красна сѣдинами и дивна лицемъ и пришедше ко мнѣ вопрошаста мя глаголюще: кто ты еси; Авраамъ ли еси ты; но онъ образомъ священъ бѣ. Моисей ли; онъ бо мудръ и рѣчію гугнивъ баше, а твоя бесѣда явственна. и ты разбойникъ намъ являешися, и образъ твой разбойническъ есть. Азъ же има исповѣдахъ яко разбойникъ есть, но владыко Господь царь славы ввелъ мя есть въ рай здѣ, понеже спутникъ ему бѣхъ до смерти, юже пострада заны. И вопросихъ паки азъ онѣхъ мужей, а вы кто еста; единъ же отъ нихъ рече ми азъ есмь Ілія Фезвїтѣянинъ, иже колесницею огненною восхищенъ на небо. А сѣй со мною Енохъ, иже словомъ божїимъ преложень здѣ. И еще есма смерти не вкусили. Пророцы же и праведниіи вси сіе слышавше отъ разбойника, и прославиша Бога, о дарованныхъ сихъ дарованїи грѣшникомъ. Яко Господь испровергъ ада, и смертію своею смерть поправъ, и древнюю клятву деревомъ крестнымъ разруши, и врата ада сокруши, и веревъ сломи, и діавола связавъ, и посла его въ огнь негасимы, и червь не усыпающїи, идѣже затворену ему быти и до послѣдняго дне, и мучитися со всѣми силами его, во вѣки вѣкомъ (sic). и мученїю его не будетъ конца праведныя. же вся въ рай введе и воскресъ изъ мертвыхъ. И начаша вси святїи веселитися и радоватися и ликovati, воспѣвающе пѣснь Богу, и хвалу Господу нашему Іесу Христу Сыну божїю, аллилуїа аллилуїа слава тебѣ боже, во вѣки вѣкомъ, аминь. Другїи же разбойникъ реста, иже при крестѣ Господни распятъ, и Бога творца своего похуливъ, умре: и прїидоша нечестивыя демоны и исторгоши душу его немилостивно, и занесоша ю въ преисподниіи тартаръ къ заключенному сатанѣ, и бысть ему первая жертва и радость, по воскресенїи Господни, на мѣсто изшедшихъ изъ ада всѣхъ праведныхъ въ рай.» (Гл. 25, л. 134—142).

Между тѣмъ Іосифъ, по провскамъ іудейскимъ былъ заключенъ въ темницу, но «въ первую убо субботу пасхи, сирѣчь въ

недѣлю, ураньше вси жидове собрашася въ сонмище свое и со-
вѣщаша убити Іосифа, и повелѣша привести его изъ темницы съ
безчестіемъ, егда же стражіе темничніи отверзоша двери темни-
цы, и не обрѣтоша Іосифа въ темницѣ (который былъ оттуда
восхищенъ провидѣніемъ), двери же заключены и печати цѣлы и
ничимъ же вредимы быша. И возвѣстиша сіе Архіереомъ и кнѣз-
никомъ жидовскимъ. Они же слышавше вельми чюдишася, и кто-
му не смѣяху возложить руки своя на прочихъ, глаголавшихъ по
Іусуѣ вредъ Пилатомъ.» (Гл. 26-я, лист. 143).

Послѣ того, какъ не нашли въ гробѣ Христа срекоша жидо-
ве стражемъ: вы дары взявше отъ ученикъ его, и дасте имъ тѣ-
ло его. Вонни же глаголаша: вы законопреступницы не ясте ему
вѣры глаголющу, яко пострадати имамъ, и въ третій день воста-
ти. Грядите и видите гробъ его, и камень, и печати, свидѣтель-
ствуйте. Слышахомъ бо яко Іосифа, иже погребѣ Христа затво-
ристе въ темницѣ, и печатасте двери, и се не обрѣтоств его.
Дадите вы Іосифа, а мы дадимъ вамъ Іусуса.» (Гл. 26-я, листъ
144 и 145).

«По вознесеніи убо Господа нашего Іусуса Христа, Тиверію
Кесарю единоначальствующу на земли, и обладающу восточными
и западными странами. придоша убо изъ Іерусалима, сестры
Лазаревы Марфа и Марія, и Марія Магдалина (sic) въ Римъ къ
къ Тиверію Кесарю, со многими дарами. и падше поклонишася
ему сице глаголюще: о державный и грозный Кесарю, мы убо
отъ земли Мадіамскія, приидохомъ убо державѣ твоей поклонитися,
и возвѣстити страшное и великое дѣло Божіе. Яко Богъ родися
отъ пречистыя дѣвы Маріи въ Вивліемѣ Іюдѣйствѣ.» (Глава 26-я
л. 160-й и 161-й).

«...Слышавъ же сіе Кесарь, страхомъ велимъ одержимъ бывъ,
и тихимъ гласомъ рече къ нимъ: о жены во истинну ли тако
глаголете; яко таковыи чловѣкъ явися на земли, и можетъ ли
кто таковая чюдеса творити; они же рекоша: ей истинну гла-
големъ, и о томъ имамы свидѣтели, иже видѣша и слышаша, и
аще не вѣруеша, то самъ своимъ очима узриши. Тогда посла Ке-
сарь во Іерусалимъ, да призовуть бывшихъ недужныхъ и испѣ-
лѣвшихъ отъ Христа, и Лазаря и Логгина сотника въ Римъ,
свидѣтельства ради, да видятъ ихъ вѣру иметь. Егда же приве-
дены быша, и ввидоша къ Кесарю въ полату; тогда трусь бысть

велии, и потрясеса полата Кесарева и ужасеса Кесарь съ предстоящими. тогда рѣша ему предстоящии; о державнии и грознии Кесарю, еда сихъ ради людей тако сотворися чюдо сіе, иже приидоша державѣ твоей поклонитися. Повели убо имъ изыти вонъ, да не сокрушится полатное зданіе. и повели коемуждѣ чловѣку, по единому входитьи, да видимъ коего ради чловѣка сіе чюдо бысть. Тогда Кесарь по глаголу ихъ повелѣ всѣмъ изыти изъ полаты, и изыдоша, и преста полата трестися. И паки повелѣ по единому входитьи, и абіе начаша входитьи единъ по единому. Егда же виде Логгинъ сотникъ паки въ полату, тогда паки трусь бысть велии, и поколебася полатное основаніе. Тогда Кесарь съ предстоящими вельми убояшася, и не можаху на Логгина зрѣти. И рече ему Кесарь тихимъ и смиреннымъ гласомъ: чловѣче кто еси ты, и что естъ дѣло твое. повѣждь намъ, яко зримъ тебе ради бываемая, и вси хоцемъ погибнути вскорѣ. Тогда отвѣща ему Логгинъ: о державнии и грознии Кесарю, не мене ради гибель сія бываетъ, но Христа ради распятаго, понеже риза его святая на мнѣ естъ, азъ бо при распятіи взяхъ ю. Егда бо воинъ прободе Исуса Христа въ ребра копіемъ, тогда изыде кровь и вода, азъ же тогда нѣмоцень бѣхъ очима, и ощутивъ кровь Христову текущую изъ тѣла его, и вземъ помазахъ очи свои и быхъ здравъ, и отъ того часа вѣровахъ въ него, яко истиннии Богъ естъ. Тогда Кесарь повелѣ Логгину скоро изыти изъ полаты, и сняти съ себѣ ризу Христову, и принести ю предъ него. Логгинъ же ишедеъ и сня съ себе ризу Христову и принесе ю предъ Кесаря. Тиверій же Кесарь вземъ ризу Христову, и рече къ Марфѣ и Маріи: сія риза Христова ли; они же рекоша: ей Христова естъ. Онъ же цѣлова ю. Имяше же Кесарь на лицѣ своемъ струпъ великъ зѣло, и не могоша того струпа никія же врачи исцѣлвити. Тогда Марфа и Марія рекоша: о державнии и грознии Кесарю, послушай насъ, аще хоцещи здравъ быти, то ризою сею святою отри лице свое и будещи здравъ. Кесарь же сотвори тако по глаголу ихъ, и отре лице свое ризою Христовою, и въ томъ часѣ исполнися лице его гноя отъ струпа онаго и спаде струпъ съ лица его, и бысть здравъ яко николиже болѣвъ. И возрадovasя радостию велиею зѣло и прослави Бога, и рече: Слава Тебѣ Христѣ Боже, яко сподобилъ мя еси слышати

о пресвятѣмъ имени твоємъ. И отпусти всѣхъ съ честію въ домы своя.» (Глава 29-я, л. 163—166).

ГЛАВА XXX.

О ПОСЛАНИИ ПОНТІЙСКАГО ПИЛАТА КЪ ТИВЕРІЮ КЕСАРЮ ИЗЪ ІЕРУСАЛИМА ЕПИСТОЛИИ ВЪ РИМЪ О РАСПЯТИИ ГОСПОДНИ.⁴

«Слышавъ же Пилатъ хожденіе Марфы и Маріи къ Кесарю въ Римъ, и убояся зѣло, и хотя оправдитися написа епистолю къ Кесарю, сице глаголя: державному и страшному Тиверію великому Кесарю, Понтійскій Пилатъ рабъ твой, иже отъ восточныхъ странъ начальство имыи твоею властію и повелѣніемъ; се пишу твоему величеству, страхомъ велимъ и трепетомъ многимъ одержимъ, о вещи бывшей во градѣ Іерусалимѣ. (Гл. 30-я, л. 166 и 166-и).

«И видѣвъ азъ крамолу ихъ великую (продолжается донесеніе Пилату Кесарю), иже творяху на мя подвизающуюся, и отдахъ Его (Христа) воли ихъ. Они же взявши связаша Его, и биша немилостивно, и возведше его на лобное мѣсто, и тамо Его распяша. И абіе въ полудне солнце помрачися, и тьма бысть по всей земли, и луна въ кровь преложися. Умершу же Іесусу на крестѣ, завѣса церковная раздрася на двое, отъ верхняго края даже и до нижняго, и земля потрясеса, и каменіе распадеса, и разсѣдеса земля, и пропасть явися даже до преисподнихъ Ада¹⁾, и гроби отверзошася, и восташа нѣцыи отъ мертвыхъ, ихже тѣ сами Іудеи именуютъ и нарицаютъ праведники, патриархъ Авраамъ и Ісаакъ и Іаковъ, и инии мнози съ ними. и явишася мвоузмъ на долгъ часъ, и паки не видими быша: яко же свидѣтельствоваша мнози отъ Іудей видѣвшіи онѣхъ иророкъ и праведникъ, иже преставишася прежде трехъ тысячъ лѣтъ и болѣе. Сія же вси въ вечеръ пятка поздѣ быша. въ субботу же въ полунощи бысть громъ велии съ небесе, яко николиже бысть таковъ, и свѣтъ явися свѣтелъ паче солнца. И явишася мужіе зѣло велицы, одѣяни пресвѣтлыми одеждами, и заваху глаголюще: Распынися Христосъ, воставъ восходитъ на небо, и вси праведницы иже во адѣ порабощенни съ нимъ. Оныхъ же пресвѣтлыхъ лицъ зовущихъ быше число неисчетно. Всю же ночь ту неизреченныи гласъ

¹⁾ Здѣсь слово *адъ* напечатано съ прописной буквы.

слышашеся, и въ пропастьхъ зѣмныхъ, иже тогда земля сотвори. и мнози отъ Юдей иже тогда на Ісуса совѣтъ сотвориша подъ землю провалишася и погибоша. Сидевымъ чудесемъ азъ самовидецъ бывъ, и страхомъ велимъ одержимъ, написахъ епистолю къ твоему величеству, на увѣдѣніе яже о Христѣ содѣяшася. Доспѣвшу же писанію въ Римъ къ Тиверію Кесарю, и тогда Кесарь повелѣ ю чести предѣ всѣмъ множествомъ князей и народа предстоящихъ, и вси удивишася и ужасошася. Ярости же исполнився Кесарь, повелѣ написати епистолю къ Пилату, и посла войны привести Пилата въ Римъ¹⁾. (Гл. 30, листы 168 и 169).

Выписываю подлинникомъ слѣдующій псевдо-историческій документъ:

«Посланіе Тиверія Кесаря изъ Рима во Іерусалимъ къ Пилату.

«Отъ державнаго и грознаго Тиверія Кесаря Понтійскому Пилату.

«Вѣдомо ти буди, понеже ты не праведно и не повинно смерть навелъ еси на Ісуса Назарянина, и предалъ еси Его злоправнымъ и сквернымъ Юдеомъ на смерть крестную, и не пострадалъ еси Его ради, но и распяти повелѣлъ еси *мзды ради*. Ему же воинъ нѣкіи текши наполни губу оцта и желчи²⁾ и принесе ко устамъ, ты же возбранилъ еси ему, и за сіе приведенъ будеши здѣ, яко да слово воздаси ми о Христѣ, Его же неповинно предалъ еси на смерть. Слышахъ бо азъ о твоей неправдѣ и безуміи отъ нѣкіихъ женъ Марфы и Маріи сестръ Лазаревыхъ, и Маріи Магдалыни, яко Ісусъ тобою осужденнымъ многа чудеса сотворилъ есть: слѣпымъ даде зрѣти, хромымъ повелѣ ходити, и мертвыхъ воскресаше, и всякія болѣзни словомъ

¹⁾ Интересно сопоставить съ этимъ сказаніе Іосифа Флавія, который повѣствуетъ такъ: «Въ сіе же время былъ и Ісусъ, мужъ мудрый, если только не мало будетъ назватъ Его мужемъ. Ибо творилъ онъ удивительныя дѣла: былъ учитель тѣхъ, кои со услажденіемъ приемятъ истину, и привлекъ къ себѣ многихъ послѣдователей какъ изъ Іудеевъ, такъ и язычниковъ. Сей былъ Христосъ, котораго хотя Пилатъ по доносу знатнѣйшихъ изъ народа нашего осудилъ на крестную смерть, однако любившіе его прежде не престаи и тогда любить его. Поелку онъ въ третій день послѣ своей смерти явился имъ паки живъ, по предсказанію пророковъ, которые какъ сіе, такъ и другое многое, достойное удивленія, предрекли о немъ. По имени его названное племя Христіанъ пребываетъ и до нынѣ. (Іосифъ Флавій, «древн. Іудейскія» кн. XVIII. т. III. ст. 200).

²⁾ У старовѣровъ есть сказаніе, что желчь, которую предлагали жаждущему Христу, была желчь едина.

единѣмъ исцѣляше. Како убо смѣлъ еси предати Его не повинна суца? Но и отъ лстиваго твоего писанія, принесеннаго ко мнѣ, мнѣ яко ты осудилъ еси Его, не праведно на смерть и предалъ незаконнымъ жидомъ.»

«Приведену же бывшу Пилату въ Римъ, слышавъ кесарь яко приспѣ Пилать, и абіе вниде Кесарь въ полату, и сѣде на престолѣ своемъ, и вси князи окрестъ его сташа, и повелѣ привести Пилата и поставити его предъ собою. И рече къ нему Кесарь: о злочестиве Пилате, како смѣлъ тако сотворити, праведна и неповинна мужа на смерть крестную предалъ, видѣвъ знаменія и чудеса велія о мужи ономъ. Пилать же рече: о державный и грозный Кесарю, азъ неповиненъ есть сему дѣлу, но начинателіе повинницы суть Іудейскіи родъ. Кесарь же рече которыи суть; глагола ему Пилать: Архилла и Филиппъ, Авна и Каіафа и весь родъ Іудейскіи. И рече Кесарь: то почто совѣту ихъ послѣдовалъ еси окаянне; Пилать же рече: о державный и грозный Кесарю, не истовенъ есть родъ Еврейскіи, не повинуется державѣ твоей. Рече же Кесарь: егда приведоша Его къ тебѣ, ты же чесо ради не сохранилъ еси Его отъ убивства смертнаго, и послати Его ко мнѣ жива суца не повелѣлъ еси; но послушалъ еси онѣхъ жидовъ, и распяти такова праведна мужа повелѣлъ еси, иже велія знаменія сотворилъ есть, яже ты самъ писалъ еси ко мнѣ о Немъ. Паче же и титулу написалъ еси на крестѣ: Ісусъ назарянинъ царь Іудейскіи. Егда же Кесарю имя Христово изрекшу, абіе стояція Кесаревы Бози златыя и серебряныя и вси идоли внезапно падошася и погибоша аки прахъ. Кесарь же со предстоящими людьми ужасеся и вострепета, видя внезапну боговъ своихъ пагубу, изреченія ради имени Ісусова. И страхъ и трепетъ нападе на всѣхъ князей, и на всѣхъ людей, и тако отъидоша въ дома своя чюдящася бывшему. Повелѣ же Кесарь твердо блюсти Пилата. Во утрин же день сѣде Кесарь на престолѣ, и повелѣ привести Пилата предъ всѣми людьми и князи, и вопросы его, глаголя: о злочестиве Пилате, глаголи истинну како сотворилъ еси надъ Ісусомъ, и кто убо бысть распныйся; мы бо тогмо имя Его помянухомъ и боги наша погубихомъ. Пилать же рече: елика убо писахъ Твоему величеству, истинно писахъ, яко вси бози наши, ихже вѣмы нѣсть ему точенъ ни единъ отъ нихъ. Кесарь же рече: Да почто тако смѣлъ еси сотворити о Немъ, не убоя-

лися моя держава, но паче зло совѣщаль еси о моемъ царствѣ, его же боится вся земля и вселенная. Пилать же рече: беззаконнии и не покорливии Юдеи сотвориша сице. Кесарь же исполнився ярости посла во Иерусалимъ и повелѣ взять вся старѣйшины жидовскія. Археллу нечестиваго Иродова сына, и друга его Филиппа, и Архіереевъ Анну и Каіафу, и привести въ Римъ. Егда же приведени быша и предсташа Кесарю. вопросы ихъ Кесарь глаголя: почто убо неправедно ѡудисте, и смерти предасте праведнаго мужа, сотворшаго вамъ толикая дивная и преславная чюдеса. Отвѣщаша же ему Архіереи и книжницы жидовстїи.

«О державнии и грознии кесарю, послушай насъ рабъ своихъ: законъ убо нашъ не судитъ убити челоуѣка. Но аще кто самъ ся творитъ царемъ, той смертію да умретъ. Мы убы обрѣтохомъ челоуѣка сего разоряюща законъ нашъ и царемъ себе именующа, того ради емше Его и приведохомъ къ Понтійскому Пилату. онъ же испытавъ Его обрѣте повинна, и предаде на распятіе. Тогда кесарь рече къ Пилату: не азъ ли тя послахъ во Иерусалимъ и повелѣхъ ти право судити, ты же возложилъ еси руки своя на спасителя Христа, и неповино пролія кровь Его, и за сіе самъ да приѣмши смерть, со всѣми совѣтники твоими ѳъ нихъ же мзду прїялъ еси.»

«Пилать же нача молити кесаря, глаголя: господине державнии кесарю, повели мнѣ дати веліе мученіе, да отпустятся грѣси мои, понеже злѣ азъ окаяннии сотворихъ праведному тому Ісусу. Кесарь же повелѣ тако сотворити, и мучиша Его различными муками. Пилать же моляшеса ко Господу глаголя: Помилуй мя Христе царю сыне Бога ¹⁾ живаго, и творче всея силне. Согрѣшихъ азъ предъ тобою, предавъ Тя на распятіе неповинна суща. И се гласъ бысть съ небесе къ нему глаголя: радуйся Пилате, яко мене ради страсть сію прїемлеша, вниди убо во обитель Отца моего, се бо отверзошася тебѣ врата райскія, и ангельское воинство стрѣбаетъ тя, держаще вѣнецъ. И по многихъ мукахъ мечникъ отсѣче главу Пилатову. Ангелъ же Господень спедъ съ небесе, и взять главу его, и паки взыде съ нею на небо. Сіе же чюдо видѣвъ кесарь, вельми удивися и погребѣ тѣло его съ великою честію ²⁾. Анну же и Каіафина те-

¹⁾ Буква б. въ словѣ Богъ здѣсь употреблена прописная.

²⁾ Здѣсь опять интересно привести одно мѣсто изъ лѣтописи Флавїа,

стя, повелѣ въ кожу воловую обшити и повѣсити противу солнца, да тако умретъ. И сотвориша тако по глаголу его, и вся внутренняя его изыде изъ него и тако умре. Видѣвша же сіе архіерей Каіафа и книжники, и рѣша въ себѣ другъ ко другу: бѣжимъ отъ лица кесарева, да не погубить насъ, и бѣжаша до нѣкоего мѣста и скрышася въ разсѣлинахъ земныхъ. Свитающу же дню и се множество вои идуще къ кесарю, и творяще на пути ловленіе звѣрей, и обрѣтоша тѣхъ мужей, и познаша ихъ яко отъ іудейскія страны, и избиша ихъ, и пришедше возвѣстиша кесарю. Кесарь же сіе слышавъ и угодно бысть ему. Каіафа же скрыся въ нѣкоей пещерѣ хотя избыти смерти. По смотрѣнію же Божію Тиверій кесарь изыде на ловъ звѣрей, и видѣвъ еленя вельми красна, и бѣжа за нимъ хотя убить ѣ, и стрѣливъ стрѣлою по елени, и абіе она стрѣла вниде въ пещеру ону, и устрѣли Каіафу въ сердце, и тако скончася Каіафа. Искаху стрѣлы кесаревы вездѣ и не обрѣтоша ю. И шедше въ пещеру обрѣтоша стрѣлу ону въ сердца Каіафинѣ и Каіафу мертва лежаща, и возвѣстиша сіе кесарю. Онъ же слышавъ и вельми удивися, и прослави бога творящаго дивная чюдеса. Посемъ прогнѣвася кесарь на вся безбожныя Іудея и повелѣ написати писаніе Лукіану обладающему восточными странами, сице глаголя: великій кесарь всея вселенныя обладатель, князю Лукіану первовластнику восточныя земли радоватися. Въ настоящее сіе время бывшее дерзновеніе отъ живущихъ во Іерусалимѣ и въ прочихъ градѣхъ Іудейскихъ, и беззаконное оныхъ дѣйство, иже сотвориша, познахъ, яко Бога ¹⁾ нѣкоего глаголемаго Іесуса, съ Пилатомъ распяша. Сія согрѣшенія ихъ великая видѣ, солнце и померче, и земля разсѣдася, и весь міръ погнѣ бы, аще не бы Онъ своимъ повѣленіемъ укрѣпилъ. Тѣмъ же ты повелѣніемъ моимъ множество воинъ собери, и шедъ съ силою рас-

въ которой о поѣздѣ Пилата къ Тиверію послѣ Христова распятія сказано такъ: «Тогда Вотелій (по доносу іудеевъ на жестокости Пилата) отправивъ Маркелла, друга своего для чиненія въ Іудеѣ суда и расправы, повелѣлъ Пилату ѣхать въ Римъ и оправдаться передъ самимъ кесаремъ въ приносимыхъ на него отъ іудеевъ жалобахъ. Такимъ образомъ Пилатъ, прешедши десять лѣтъ въ правленіи Іудеи, отправился съ поспѣшностью въ Римъ по повелѣнію Вотелія, которому ни сколько не смѣлъ онъ противорѣчить. Но прежде его въ Римъ прибытія скончался Тиверій». (Иосифъ Флавій. «Древности Іудейскія» ч. III, гл. IV, стр. 204).

¹⁾ Слова б прописное.

плѣни и поработи весь еврейской родъ, и постави ихъ на порабощеніе во всѣхъ языкахъ, и умали и смири всю землю Юдейскую порабощеніемъ, да не явится на земли ихъ отъ рода своего ни царства ни княженія» ¹⁾. (Гл. 31-я, листы 170—176-й).

Заключаю этими выписками мое первое письмо о житьѣ съ людьми древляго благочестія. Во второмъ письмѣ я перейду къ усердно распространяемымъ въ новойпавловской сектѣ сочиненіямъ и сборникамъ эмигрировавшаго изъ отечества инока Павла. Расскажу, что знаю о его замѣчательной личности и пройду его проповѣдь объ отношеніи чловѣка къ женщинѣ, къ семьѣ, къ власти и вообще ко многимъ вопросамъ, занимающимъ Сызранскаго доморощеннаго философа, устроивающаго нынче въ Прусской Померани русскіе скиты, типографіи и школы. Далѣе же, пойдемъ далѣе, и что далѣе пойдемъ въ этотъ древлій лѣсъ, то, какъ водится, увидимъ тамъ больше дровъ. А можетъ-быть встрѣтимъ и подѣлочный матеріалъ. Будемъ писать обо всемъ, что привелось видѣть, «ни что же сумняся, а токмо правды шукаючи», какъ говорить въ своей рѣдкой книгѣ Захарій Копыстенскій.

М. Стебницкій.

¹⁾ Иудеямъ дѣйствительно ужъ какъ-то особенно не везло въ это время, безпрестанно они чѣмъ-нибудь да проштрафливались противъ Рима. То не могли стерпѣть въ Иерусалимѣ знаменъ съ кесаревымъ изображеніемъ, то два раза поднимали возмущеніе; словомъ, назвали Тиверія до того, что онъ самъ выгналъ ихъ изъ Рима по весьма оригинальному случаю, о которомъ Флавій такъ повѣствуетъ: «Нѣкоторый весьма развращенныхъ нравовъ Иудеянинъ, бѣжавшій изъ своего отечества отъ страха заслуженной имъ по законамъ казни, обитая тогда въ Римѣ, представлялъ себя толкователемъ Моисеева закона; и приобщивъ къ себѣ еще троихъ во всемъ подобныхъ себѣ товарищей, преклонилъ одну знатную римскую жену, по имени Фулвію, принявшую по ихъ наставленію законъ Моисеевъ, чтобъ она послала отъ себя въ даръ во храмъ Иерусалимскій злато и порфиру. Но когда обманщикъ сіи дары получилъ отъ нее въ свои руки, то и истощилъ оныя съ товарищами своими на собственные безпутства, на который конецъ и старался онъ выманить ихъ отъ Фулвіи. Чего ради, увѣдавъ о семъ плутовствѣ, Тиверій отъ пріятели своего Сагурнина, мужа Фулвіина, который по прошенію жены своея донесъ ему о причиненной имъ обидѣ, повелѣлъ всѣхъ Иудеевъ выгнать вонъ изъ Рима. По силѣ сего кесарева указа выбраны были изъ нихъ отъ Консуловъ четыре тысячи чловѣкъ въ военную службу, и отосланы въ островъ Сардинію: которые же изъ почтенія къ уставамъ своего отечества поупрямилися пойти на оную, тѣ всѣ жестоко были наказаны. Такимъ образомъ за плутовство четырехъ чловѣкъ всѣ Иудеи изъ города были выгнаны.» (Иос. Флав. Ар. Иуд. кн. XVІІІ, 3. 5)

Дн 15. 4

496 186/3

№ 16110 50 к. с.

Lehrerbildungslehre
- Nikolausheim
Herrlingen bei Göttingen

